

ПРИХОДСКАЯ №93

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ 2013

Газета

ХРАМА СВВ. БЕССР. КОСМЫ И ДАМИАНА В ШУБИНЕ

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви
Свидетельство №100 от 4 июля 2011 г.

ПРОПОВЕДНИКИ ЛЮБВИ БОЖИЕЙ

Величаем вас, чудотворцы славы Космо и Дамиане, и чтим святую память вашу, наставники заблуждающим, изцелители болящим и собеседники ангелом.

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Храмовый праздник

Свящ. Пётр Коломейцев
Исцелявшие силою Божией **3**

Проповедь

Прот. Александр Борисов
О культуре духа **4**

Церковный календарь

Прот. Александр Шмеман
Введение Пресвятой Богородицы во храм **12**

Память

А. Шмаина-Великанова
Окно митрополита Антония **15**

Духовный поиск

И. Языкова
Религиозное подполье 80-х **21**

Социальное служение

И. Зинякина
Обратитесь и приходите **25**
А. Лихачёв
Чтобы научиться делать добро **26**

ХРАМОВЫЙ ПРАЗДНИК

14 ноября, в день памяти святых бессребреников и чудотворцев Космы и Дамиана Асийских и матери их, преподобной Феодотии, в нашем храме состоялось праздничное архиерейское богослужение. Как и в прошлом году, по благословению Святейшего Патриарха Кирилла Божественную литургию совершил епископ Иероним (Чернышов) в сослужении благочинного Сретенского округа прот. Олега Клемышева, благочинного Иверского округа прот. Геннадия Нефёдова и клириков нашего храма

Фото В. Аромштама

В приветственном слове настоятель храма **прот. Александр Борисов** отметил, что мы второй раз встречаем свой престольный праздник вместе с владыкой Иеронимом. «Для нас это день благодарения Богу за восстановление храма, который, как тысячи других по всей Руси, был закрыт. Чудом сохранилось само здание, но весь интерьер был уничтожен, за исключением иконы Космы и Дамиана. Она сохранилась, вероятно, усердием последнего настоятеля о. Петра Ильина, который служил здесь до закрытия храма и, видимо, отнёс её в соседний храм Воскресения Словущего. А в 1998 г. по благословению Святейшего Патриарха Алексия Второго мы смогли икону вернуть».

«Ваше служение, – продолжил о. Александр, обращаясь к владыке Иерониму, – всегда бывает наполнено радостью и молитвой. Мы благодарны Вам за то, что Вы даруете нам ощущение единства с нашей Церковью. Этот приход – лишь одна из многих и многих частей огромной Русской Православной Церкви, прилагающей усилия к тому, чтобы обратить страну нашу к духовной жизни, которая была разрушена. Сегодня на смену одной бездуховности пришла другая – золотой телец, овладевающий сердцами всё большего числа людей. Наша задача – привлечь их к другому, истинному, бесконечному счастью, а не к тому, что дарует лишь временные блага. И Вы помогли нам сегодня ощутить присутствие Христа среди нас».

Отец настоятель выразил благодарность Святейшему Патриарху Кириллу, по благословению которого мы вновь встретились с владыкой Иеронимом,

а также всем, кто вместе с ним праздновал литургию: священникам, иподиаконам, певчим. В знак любви и благодарности о. Александр вручил владыке Иерониму икону Благовещения, в честь которого освящён центральный алтарь нашего храма. Он напомнил, что до революции церковь какое-то время называлась «Благовещение за золотой решёткой»; что стало с этой золотой решёткой, неизвестно, но когда в конце XIX в. к центральной части был пристроен южный придел – в честь Космы и Дамиана, храму возвратили старинное его название, данное ещё при Дмитрии Донском. К названию добавлялось «в Шубине» – по имени Иакинфа Шубы, боярина, сподвижника Дмитрия Донского, у которого здесь было владение; он и был, по-видимому, первым создателем этого храма.

О. Александр ещё раз поблагодарил владыку, и все с радостью пропели вл. Иерониму Многая лета.

В ответном слове **епископ Иероним** сказал:

«Ваши высокопреподобия, дорогие отцы благочинные – о. Геннадий и о. Олег, Ваше высокопреподобие дорогой отец настоятель, дорогие отцы, братья и сестры!

Я прежде всего хочу поблагодарить о. Александра за слова приветствия и весь приход – за тёплый, радостный приём, которого я удостоился в день престольного праздника в этом святом храме.

Вы знаете, в патриаршем расписании не было моей сегодняшней службы в храме свв. Космы и Дамиана. И буквально накануне мне позвонил секретарь Патриарха и сообщил, что Святейший благословил [служить]. Я начал размышлять, что в этом какая-то мистика, и вспомнил, что улица Большая Полянка, на которой я 20 лет настоятельствую, в древности называлась Космодемьянской. И когда-то в начале улицы стоял храм, который сейчас не существует, но, видимо, там осталось место, и ангел Господень с огненным мечом охраняет эту святыню – и вот, меня направил послужить. На самом

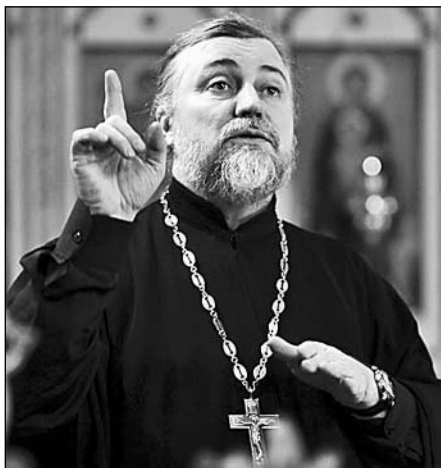
деле с благословения Святейшего Патриарха любое послушание мне приятно.

С первых дней я испытывал в вашем храме неподдельную искренность во всём: в глазах прихожан, в пении хора, в той атмосфере, которая царит в храме. И это очень дорогого стоит.

Я благодарю Вас, отец настоятель, и всех прихожан за тёплый приём, желаю помощи Божией в ваших трудах по восстановлению поруганной святыни.

Многая и благая лета! И спасибо за прекрасную икону».

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Сегодня мы празднуем престольный праздник нашего храма – день памяти свв. бсрр. и чудотворцев Космы и Дамиана. Они жили в IV веке, были братьями и родились от благочестивых родителей, рано лишились отца. Но их мать прав. Феодотия, память которой мы тоже празднуем сегодня, знала самое главное: нужно привести детей к Небесному Отцу, и тогда сироты будут всегда под покровительством Божиим, под кровом Небесного Отца. И она всё сделала, чтобы воспитать их в вере и благочестии.

Святых братьев отдали в обучение врачебному искусству, и они в совершенстве овладели им, но избрали не совсем обычный путь для тогдашних врачей. А надо сказать, что врачи тогда, как, впрочем, и сегодня многие знахари, были сторонниками языческого мышления, хранителями эзотерических тайн и, конечно же, исцеляя людей, внушали им свои языческие мысли. И вот Косма и Дамиан стали бороться против засилья языческой мысли среди врачей. Они были врачами-христианами, они учили людей, что источник болезни – это прежде всего грех, живущий в человеке. И поэтому не вера в чудодейственные магические заклинания, в силу камней, трав и прочего должна исцелять человека, а вера в Господа, покаяние, принесение Ему плодов этого покаяния.

Косма и Дамиан каждому говорили, что они исцеляют силою Божией. И не только людей они исцеляли, но и всякую скотину, которая хворала. И самое главное – чтобы не уподобляться язычникам, неся слово Божие, они делали всё это бескорыстно, за что их на-

Исцелявшие СИЛОЮ БОЖИЕЙ

звали бессребрениками, или безмездниками.

Чтобы охватить как можно большее число страждущих, они переходили из города в город, не имея ни кола ни двора, и в каждом городе лечили болящих и страждущих. Однажды они излечили даже верблюда, который заболел тяжёлой формой бешенства; с ним связано продолжение истории святых братьев.

Некая женщина по имени Палладия, тяжело страдавшая, призвала свв. бсрр. Косму и Дамиана и не могла удержаться от того, чтобы поблагодарить их. Косма отказался, а Дамиан принял от неё три яйца, которые она заклинала взять как дар в честь Святой Троицы. Косма опечалился, увидев, что Дамиан принимает это подношение, и сказал, что вовек не будет похоронен с ним. Потом голос Божий сказал ему, что Дамиан принял этот дар во славу Божию, во славу Святой Троицы, и братья помирились.

Но вот вначале отошёл ко Господу Косма, а вскоре и Дамиан. И все пребывали в недоумении: хотя братья помирились, завещание, чтобы Дамиана не хоронили рядом с Космой, осталось в силе. И тут этот самый верблюд человеческим голосом провозгласил, чтобы братьев похоронили вместе. Так Господь после смерти обоих дал знать всем, что братья на самом деле примирились и никто из них не нарушил обетов, данных Богу.

Свящ. Пётр Коломейцев

Описано множество чудес, которые совершали Косма и Дамиан. Даже после смерти около их гробницы происходили исцеления, и исцеления чудесные. Например, один человек тяжело страдал болезнью лёгких, с кровохарканьем, и никто не мог его исцелить. Когда он припал к святым мощам, братья явились ему и сказали, что прежде всего он должен перестать ругаться грязными словами. Он отошёл в недоумении, болезнь не прекратилась, и лишь когда он перестал ругаться, болезнь оставила его. Можно сказать, что он был исцелён от двух болезней: от болезни телесной и от болезни душевной – своего сквернословия.

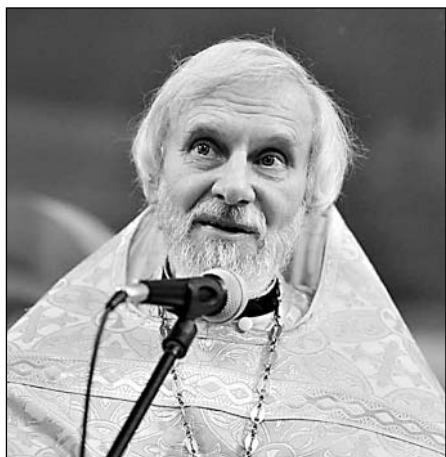
Свв. Косму и Дамиана почитают и как покровителей семьи и детей, потому что известно чудо, когда некий муж, отправляясь в дальний путь, посвятил свою супругу Косме и Дамиану, чтобы они охраняли её. К этой супруге пришёл человек, показал тайный предмет от её мужа и сказал, что муж зовёт её к себе, и она пошла за ним, веруя, что это действительно посланник мужа. А это оказался негодный человек, который нашёл этот предмет и воспользовался им, чтобы обесчестить женщину и надругаться над ней. Когда он завёл её в тёмное место и приступил к своим страшным деяниям, она воззвала к свв. бсрр. и чудотворцам Косме и Дамиану, и те явились и изгнали негодяя. Женщина и её муж стали возносить неустанную хвалу этим святым.

Святые, которым посвящён наш храм, учат и нас благочестивой жизни, вере в Господа, в Его помогающую и исцеляющую силу, учат проповедовать слово Божие, учат сохранять свои семьи, иметь попечение о наших чадах и миловать не только людей, но и животных. Будем же просить свв. Косму и Дамиана о даровании нам хотя бы части того дерзновения ко Господу, того бескорыстного служения, той любви к людям и животным, которые имели они. Аминь.

*Проповедь на литургии
14 ноября 2013 г.*

Прот. Александр Борисов

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Нередко людям кажется, что их маловерие связано с тем, что они не видят явных признаков вмешательства Божия в нашу жизнь. «Вот если бы что-то такое чудесное произошло, тогда мы бы поверили». Но сегодняшний евангельский отрывок об исцелении гадаринского бесноватого как раз говорит о том, что совсем не обязательно чудо, даже такое потрясающее, обращает людей к вере в Бога, к вере в Иисуса Христа как Божьего Посланника, Сына Божьего. В чём же здесь причина? Скорее всего, в том, что люди предпочитают спокойно устроиться, жить своей жизнью, а Бог нужен в каких-то особых случаях, когда, например, умер человек, или родился ребёнок, или кто-то в брак вступает. Это было и раньше, это сохраняется, к сожалению, и сейчас – люди ищут не веры во Христа, не связи с Богом, а некую религию.

Есть разница между христианской Церковью, христианством и религией. Религия – это некая связь с невидимым духовным миром, цель которой – устроить наши земные дела, получить помощь, благословение. Каков при этом Бог – неважно. Сколько людей, которые приходят крестить детей или венчаться, никогда даже не открывали Евангелие, не знают ни Символа веры, ни «Отче наш», но чувствуют, что что-то такое надо сделать! И совсем другое дело, когда человек входит в общение со Христом, когда он понимает, что *это* освобождает его от зла – от зла в его сердце и даже от такого кошмарного зла,

О КУЛЬТУРЕ ДУХА

как одержимость гадаринского бесноватого тёмными силами. Ведь не только сам человек порождает зло, но и внешние силы, которым он позволяет так или иначе в себя войти. Тут причины могут быть разные, но результат таков, что человек уже собой не управляет и становится больным, страшным для людей.

Не случайно Фёдор Михайлович Достоевский взял именно этот эпизод эпиграфом к своему пророческому роману «Бесы». Вошли бесы в свиней, стадо бросилось в озеро и утонуло – так начинается этот роман о революционерах, которые мечтают сделать переворот силами организованного революционного мень-

**ЕСЛИ ЕСТЬ КУЛЬТУРА ТЕЛА, ТО ТАК ЖЕ
НЕОБХОДИМА И КУЛЬТУРА ДУХА.
ЕСЛИ ЕЁ НЕТ, ДУХ УГАСАЕТ.**

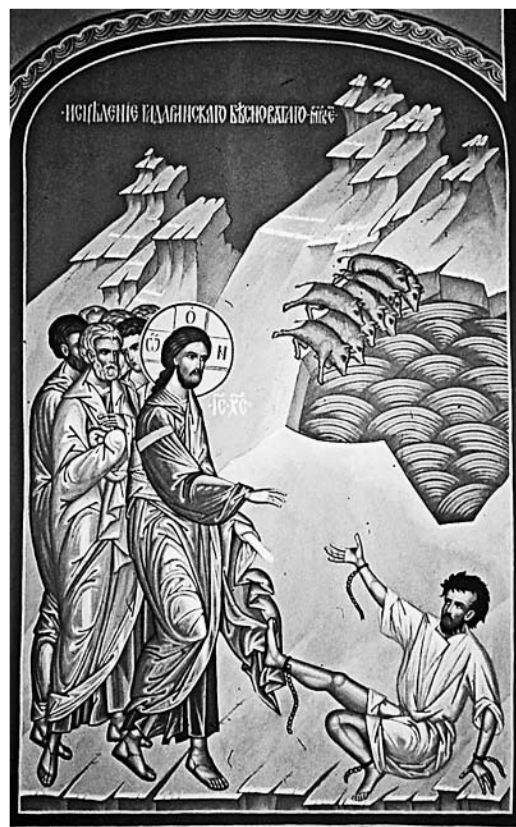
шинства в России и всех заставить жить по-новому. Как говорил Маркс, все философы старались объяснить мир, а на самом деле его надо переделать. «Бог не так всё устроил, мы сделаем гораздо лучше». Но мы знаем, что за этим последуют ГУЛАГ, войны и проч., и проч.

Казалось бы, это уже ушло в прошлое, и тем не менее людьми владеет желание устроиться в этой жизни. Духовность же – это что-то необязательное, мы готовы сделать маленький реверанс в эту сторону и продолжать жить своей жизнью, своими интересами. Потому что освобождение – и нынешний евангельский эпизод это явно показывает – увы, связано с какими-то материальными потерями. Именно это напугало людей, склонило сердца гадаринских жителей просить Иисуса: «Уйди от нас. Нам и так хорошо. Что нужно, мы со своими языческими жрецами сделаем».

К сожалению, то же самое мы видим и сейчас – не только где-то там, на другом берегу Генисаретского озера 2000 лет назад, но и в окружающей нас жизни. Когда мы на неё смотрим, часто вспоминается известная ария Мефистофеля из оперы Гуно «Фауст»: «На земле весь род людской чтит один кумир священный. Он царит во всей вселенной, тот кумир – телец златой». Но, конечно, это не вся правда, не весь род людской его чтит, многие люди ищут духовного содержания, и оно наполняет человеческую жизнь.

Есть такое понятие – культура тела (все мы знаем слово «физкультура»); телом мы все – слепок окружающей нас природы, и если на доли секунды лишаемся этой связи с природой, мы тут же погибаем. Однако у нас есть не только тело,

но и дух. Именно духовное содержание отличает человека от всего остального мира. Нигде в природе мы не найдём, откуда могли бы его получить, как получаем жиры, белки, углеводы и т.д. Его проис-

Е. Черкасова. Исцеление бесноватого

хождение – только от Создателя Вселенной, от Господа, потому Библия и говорит: «Мы получили образ и подобие Божие». Им обладает только человек, и вот этот образ и подобие мы определяем словом «духовность». Это самое главное. И если есть культура тела, то так же необходима и культура духа. Если её нет, дух угасает.

Вы знаете, что в Японии выращивают маленькие искривлённые деревья: сажают в пемзу, едва поливают водой, и вырастают карликовые деревца. Считается, что это красиво. Вот точно так же душа человека: когда она не получает необходимой духовной пищи, поддержки, живёт вне культуры духа, то становится скукоженной, искривлённой, как эти маленькие уродливые деревца.

И так важно человеку менять эту ситуацию, обращаться духом к тому, что делает его именно человеком! Не случайно первая из Заповедей блаженства – «Блаженны нищие духом». Нищий – тот, кто просит духа, тот, кто понимает, что нам недостаточно того духа, что мы имеем, а необходимо получать его больше и больше. Как скажет позже Серафим Саровский, цель человека, цель христианской жизни – стяжание Святого Духа. Вот и нам важно к этой цели идти.

Мы призваны к тому, чтобы менять этот мир. Господь говорит: «Вы – соль земли, вы свет миру».

Конечно, оглядываясь вокруг, нередко можно прийти в уныние. Очень мало людей приходит в храм по сравнению с числом тех, кто не приходит. Ещё меньше людей читает Евангелие. К сожалению, приходят иногда в храм внешне культурные люди, с телевидения и проч., но когда спрашиваешь: «А вы Евангелие читали?» – отвечают: «Ну, так, посмотрели». 20 лет уже эта книга совершенно свободно продаётся – и люди равнодушны. Как говорил Александр Сергеевич Пушкин, «мы ленивы и нелюбопытны». И даже когда объясняешь людям: «Хорошо бы всё-таки читать, потому что это основа вашей культуры, вы – работники культурного фронта, что называется. Как же без этого?» – «Да, да, конечно». – «Купите книжку “Сын

приятных событий жизни. Он никогда не видел болезни, смерти. И однажды, когда ему было уже за двадцать, проезжая на колеснице, он увидел больного старика, просящего милостыню. Затем он увидел процессию, несли умершего. Он вдруг открыл для себя, что в жизни есть не только удовольствия и красивые вещи, но и смерть, и болезнь, и трудности. И он стал другим человеком. Так же и нам с вами, проходя через трудности, правильно к ним относясь, не давая себе сокрушаться, следует говорить: «Господи, благодарю Тебя, что Ты это послал мне. Дай мне силы перенести это и Тебя благодарить, потому что это Твой путь, которым Ты хочешь меня провести, чтобы я действительно возрос, стал таким, каким Ты хочешь меня видеть, Твоим послан-

ником в этом мире».

Давайте об этом размышлять, не поддаваться унынию и молиться о стране нашей. Молиться о том, чтобы люди обращались не просто к некоему ту-

манному образу Бога, а именно к Евангелию, потому что оно нам рассказывает о Христе. Рассказывает об Иисусе, Который – Единственный из всех основателей религий – говорил: «Я и Отец – одно. Видевший Меня видел Отца». Простой вывод из этого: если мы не читали Евангелия, если не знаем его достаточно подробно, мы не знаем, каков наш Бог. Наши представления тогда

**ЕСЛИ МЫ НЕ ЧИТАЛИ ЕВАНГЕЛИЯ,
ЕСЛИ НЕ ЗНАЕМ ЕГО ДОСТАТОЧНО
ПОДРОБНО, МЫ НЕ ЗНАЕМ,
КАКОВ НАШ БОГ.**

Человеческий», она помогает понять Евангелие». – «Да, да», – и проходил мимо. Такое вот равнодушные...

Но впадать в уныние от этого мы ни в коем случае не должны. Надежда именно на тех, кто пришёл, кто сделал этот шаг. И наш главный враг (тех, кто этот шаг уже сделал, кто перечитывает Евангелие, идёт за Христом, приходит в храм) – уныние и печаль

**ДАВАЙТЕ ПОМНИТЬ, ЧТО МЫ С ВАМИ – ПОСЛАННИКИ В ЭТОТ МИР,
КАКИМИ БЫ МЫ НИ БЫЛИ НЕМОЩНЫМИ И СЛАБЫМИ.
МЫ СИЛЬНЫ НЕ СВОЕЮ СИЛОЮ, А ТЕМ, ЧТО НАМ ДАЁТ ГОСПОДЬ.**

о том, что так мало верующих. Спасение для каждого из нас только в том, чтобы благодарить. Благодарить за то хорошее, которого так много, за то, что открыты храмы, за то, что так свободно продаются Библия, Евангелие, множество духовных книг. Благодарить даже за трудное, потому что такими путями, индивидуально ведёт каждого из нас Господь.

Когда проходим через трудное, чему-то мы учимся, чего не знали бы без этого. Будду лет до двадцати оберегали от всякого рода не-

туманны. Давайте помнить и о том, что мы с вами – посланники в этот мир, какими бы мы ни были немощными и слабыми. Мы сильны не своею силою, а тем, что нам даёт Господь. Если мы на Него будем надеяться, то не будет места унынию, а будет место именно словам апостола: «Всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, за всё благодарите».

Аминь.

*Проповедь на литургии
10 ноября 2013 г.*

Наталье Фёдоровне Григоренко — много лет!!!

На письменном столе отца Александра Меня рядом с пишущей машинкой и транзистором стояла и сейчас стоит фотография молодой очаровательной девушки — Наташи, Натальи Фёдоровны Григоренко, его супруги. Его вдовы. Стол всегда был переполнен папками, книгами, но портрет в этих торо-сах не терялся, был перед глазами. Как не терялась в жизни священника родная малая семья в наплывах семьи большой, семьи его прихода.

Когда они познакомились, когда дружба упрочилась и близилась к замужеству, Наташа не могла не задаваться вопросом: кто её будущий супруг? Да, наверное, и он не скрывал, что станет священником. Она, выросшая в советской семье, прекрасно понимала, какая участь их ждёт. Тем более что в надвигающейся хрущёвской оттепели над Церковью нависла очередная грозная туча. Настоящая Любовь, конечно, не опасается внешних угроз, но и не замечать их не может. И она сделала выбор, наверное, смутно чуя тревогу, но рядом с ним (с таким!) тревоги рас-сеивались.

В течение жизни удары судьбы, которые сыпались на голову мужа, не миновали и её: угрозы властей, проблемы на работе, обыски... Дом, хозяйство, дети, за которыми глаз да глаз. Школа в Семхозе — это не Царскосельский лицей... В доме — непрерывный поток гостей: знакомых, мало знакомых, совсем не знакомых... А жилищные условия бывали разные. До того как перебраться к родителям, снимали жильё поблизости от храма. И далеко не всегда оно было со всеми удобствами. Например, в Отрадном, где о. Александр служил дьяконом, т.е.

в самом начале служения, в начале их совместной жизни, они ютились втроём с маленькой дочкой в комнате холодной и мокрой. Зимой лёд на стенах, летом сырость. Зарплата — 100 рублей (настоятель получал 600). На свои же деньги покупали дрова. Уже потом, когда мама могла присматривать за детишками, Наташа пошла работать — у неё высшее образование, окончила Ветеринарную академию по специальности товаровед.

О. Александр считал, что у Наташи явное художественное дарование. В Семхозе половиной дома, где они жили, занималась она — ремонтом, оформлением, интерьером. О. Александр в её владения не вмешивался. Её вкус отражался и на внешнем виде супруга — всегда ухоженном, элегантном.

Около двадцати лет Наталья Фёдоровна ведёт хозяйство нашего храма. Тоже в некотором смысле дом о. Александра Меня, подобие его прихода.

Мы догадываемся, каково быть матушкой великого священника!

Знаем, каково быть старостой храма Космы и Дамиана.

Многая и благая лета!

Александр Зорин — от имени всего прихода

5 декабря исполнилось 210 лет со дня рождения русского поэта Фёдора Ивановича Тютчева (1803—1873)

* * *

О, вещая
душа моя,
О, сердце,
полное тревоги,
О как ты бьёшься
на пороге

Как бы двойного бытия!..
Так, ты – жилища двух миров,
Твой день – болезненный и страстный,
Твой сон – пророчески-неясный,
Как откровение духов...
Пускай страдальческую грудь
Волнуют страсти роковые,
Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть.

Наш век

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.

Безверием палим и иссушён,
Невыносимое он днесь выносит...
И сознаёт свою погибель он
И жаждет веры... но о ней не просит.
Не скажет ввек с молитвой и слезой,
Как ни скорбит пред замкнутою дверью:
«Впусти меня! – Я верю, Боже мой!
Приди на помощь моему неверью!..»

* * *

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа –
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!
Не поймёт и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.
Удручённый ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.

При посылке Нового Завета

Не лёгкий жребий, не отрадный,
Был вынут для тебя судьбой,
И рано с жизнью беспощадной
Вступила ты в неравный бой.
Ты билась с мужеством немногих
И в этом роковом бою
Из испытаний самых строгих
Всю душу вынесла свою.
Нет, жизнь тебя не победила.
И ты в отчаянной борьбе
Ни разу, друг, не изменила
Ни правде сердца, ни себе.
Но скудны все земные силы:
Рассвирепеет жизни зло –
И нам, как на краю могилы,
Вдруг станет страшно тяжело.
Вот в эти-то часы – с любовью
О Книге сей ты вспомяни –
И всей душой, как к изголовью,
К ней припади и отдохни.

75 лет назад, 27 декабря 1938 г., в пересыльной тюрьме Владивостока умер русский поэт Осип Эмильевич Мандельштам (р. 1891)

* * *

Отравлен хлеб
и воздух выпит.
Как трудно раны
врачевать!
Иосиф, проданный
в Египет,

Не мог сильнее тосковать!

Под звёздным небом бедуины,
Закрыв глаза и на коне,
Слагают вольные былины
О смутно пережитом дне.

Немного нужно для наитий:
Кто потерял в песке колчан,
Кто выменял коня – событий
Рассеивается туман;

И, если подлинно поётся
И полной грудью, наконец
Всё исчезает – остаётся
Пространство, звёзды и певец!

* * *

А. В. Карташеву

Среди священников левитом молодым
На страже утренней он долго оставался.
Ночь иудейская сгушалась над ним,
И храм разрушенный утрюмо созидался.

Он говорил: «Небес тревожна желтизна.
Уж над Евфратом ночь, бегите, иереи!»
А старцы думали: не наша в том вина;
Се чёрно-жёлтый свет,
се радость Иудеи.

Он с нами был, когда на берегу ручья
Мы в драгоценный лён
субботу пеленали
И семисвещником тяжёлым освещали
Ерусалима ночь и чад небытия.

* * *

В хрустальном омуте какая крутизна!
За нас сиенские
предстательствуют горы,
И сумасшедших скал колючие соборы
Повисли в воздухе,
где шерсть и тишина.

С висячей лестницы пророков и царей
Спускается орган.

Святого Духа крепость,
Овчарок бодрый лай
и добрая свирепость,
Овчины пастухов и посохи судей.

Вот неподвижная земля, и вместе с ней
Я христианства пью
холодный горный воздух,

Крутое «Верую»
и псалмопевца роздых,
Ключи и рубища
апостольских церквей.

Какая линия могла бы передать
Хрусталь высоких нот

в эфире укрепленном,
И христианских гор
в пространстве изумленном,
Как Палестрины песнь,
нисходит благодать.

Тайная вечеря

Небо вечера в стену влюбилось, –
Всё изранено светом рубцов –
Провалилось в неё, осветилось,
Превратилось в тринадцать голов.

Вот оно – моё небо ночное,
Пред которым как мальчик стою:
Холодеет спина, очи ноют.
Стенобитную твердь я ловлю –

И под каждым ударом тарана
Осыпаются звёзды без глав:
Той же росписи новые раны –
Неоконченной вечности мгла...

* * *

Вот дароносица, как солнце золотое,
Повисла в воздухе – великолепный миг.
Здесь должен прозвучать
лишь греческий язык:
Взят в руки целый мир,
как яблоко простое.

Богослужения торжественный зенит,
Свет в крутой храме
под куполом в июле,
Чтоб полной грудью
мы вне времени вздохнули
О луговине той, где время не бежит.

И евхаристия,
как вечный полдень, длится –
Все причащаются, играют и поют,
И на виду у всех божественный сосуд
Неисчерпаемым веселием струится.

БРАЗДЫ ПУШИСТЫЕ ВЗРЫВАЯ...

Что осталось за поворотом? Что уносим в памяти и в сердце?
В НОВЫЙ – 2014...

Новые дома в новом году

Новая школа для наших незнайковцев, где они будут учиться по-настоящему всему, что каждому интересно и важно. А ещё – отдельные квартиры для ребят, чтобы они смогли почувствовать себя самостоятельными; социальная гостиница и мастерские для обучения профессии.

Новая семья

Кристине врачи РДКБ сделали операцию. Фонд помог приобрести специальную коляску – вертикализатор, чтобы девочка могла самостоятельно двигаться. А теперь у Кристины появилась любящая мама.

Новые путешествия

Итальянское путешествие летом 2013 года

Было так интересно – не могу даже описать. Нам так повезло, мы попали на праздник Розовой ночи. Мы ездили к дельфинам. Мы их гладили, и нам говорили, как подавать руками команды. Мы показывали – и дельфины делали разные трюки. Потом дельфины нас целовали.

Саша П.

Историческое путешествие осенью 2013 года

Куликово поле: там было очень хорошо. Была зелёная церковь и памятники людям, которые умерли. И там наверху была мо-

литва. Ещё были разрушенные плитки, и мне казалось, что там была война. А на самом деле – просто переделывали дорогу.

Саша К.

Новые методики: летняя школа

Все незнайковцы, а вдобавок дети из приёмных семей Наро-фоминского района Подмосковья прошли обучение в «Летней школе» в августе.

Благодаря команде профессора Зарецкого, автора рефлексивно-деятельностного подхода, его единомышленникам – психологам, педагогам удалось справиться со многими учебными проблемами ребят, чьё развитие существенно осложняется болезнями и прочими превратностями судьбы.

Новые награды

Всем известное увлечение Незнаек шахматами принесло свои плоды. На первых инклюзивных Московских интеллектуальных играх из 27 дипломов 7 – наши!

Новые горизонты

Незнайковцы стали участниками одного из самых ярких событий культурной жизни столицы – 15-й Международной ярмарки

интеллектуальной литературы non/fiction. Поиграли в познавательные игры, пообщались с другими посетителями. Словом, не растерялись.

И наша больница

Благодаря поддержке Фонда, нейрохирург РДКБ И.Г. Васильев смог перенять опыт французского коллеги, профессора Оливье Делаланда, по проведению гемисферотомии – операции, избавляющей детей с эпилепсией от мучительных судорог.

Также специалист по порокам развития тазовых органов у детей профессор В. В. Николаев представлял РДКБ на самом значительном за последние 30 лет форуме по сложнейшим порокам – экстрофии и эписпадии.

Он благодаря помощи Фонда прошел курс подготовки в области тазовой хирургии в детском колопроктологическом центре в Цинциннати (США). В планах – пригласить американских специалистов для передачи опыта нашим хирургам.

Благодаря Фонду недавно открывшееся в РДКБ отделение медицинской генетики оснащено замечательными игровыми, уютными палатами, удобной кухней. Для мам с малышами, которые проводят в больнице месяцы, это очень важно.

Утрата

Милена

*О милых спутниках,
которые наш свет
Своим сопутствием
для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностью: были.*

Наши старшекласники

Олег – десятиклассник, скептик и труженик. С удивительно обаятельной улыбкой.

Женя – наш музыкант, человек с опытом работы в автомастерской, для всех малышей в доме – строгий и заботливый старший... брат? друг?

Вика – кокетка, любительница мелодрам и всего прекрасного.

Наши малыши

Меня зовут Алёна, мне 8 лет. Мой любимый дом – Незнайка. Я живу здесь год. Я хочу, чтоб поскорей выздоровели все, и я хочу, чтоб я жила. Подарили чтобы на мой день рождения телефон, и чтоб я поехала в магазин, где продают Лего. И я буду играть в Лего со своей подружкой Настей. И ещё я играю в куклы и люблю заниматься русским языком и сидеть за компьютером. Я ложусь в больницу вместе с Кириллом – нам делают операции. Потому что у нас с Кириллом больные горла. Я не

очень боюсь операции: их у нас делают каждый месяц. И мне уже давно сняли трубку с горла, а у Кирилла ещё не сняли. И всё-таки, как тяжело... с трубкой.

Наши художницы

Наташа и Даша учатся в Школе акварели Сергея Андрияки. У них талант.

Наташа, глухонемая от рождения, после кохлеарной имплантации начала слышать и уже почти научилась говорить. Недавно ей имплантировали электростимулятор спинного мозга. Она учится ходить.

Даша, кроме прочих талантов, нежно поет. А ещё переписывается с космонавтами.

Наш Паша

Паша после многих операций осваивает свои тяжеленные ортезы. Больно, но он не сдаётся. Много учится, в том числе играть на пианино.

Осенние каникулы провёл у родителей.

Наши Саши

Когда я был маленький, я любил брать любые палки и представлять, что это всякие пистолеты. Я рубил ими ветки и деревья и представлял, что это страшные зубастые зомби. Любил привязывать к палке канат и бить им по луже. Вода так интересно брызгала, и мне это нравилось.

А ещё я один раз хотел прыгнуть в лужу, чтоб брызги разлетелись... Прыгнул, а там было глубоко, и я весь до кончиков волос промок.

А ещё я мечтал быть репером. И танцевать брейк.

Я хочу, чтоб быстрее достроили наш новый дом. Потому что там я буду жить самостоятельно. Ещё я хочу, чтоб меня нашла мама. Чтоб меня вылечили.

Саша П.

Я мечтаю быть таксистом, чтобы помогать людям и зарабатывать деньги. А когда я буду работать таксистом, я буду дружить с другими работниками. Я думаю, что мне будут помогать, когда будет слишком много пассажиров.

Саша К.

Наши Димы

Дима Б. уже определился с профессией. Он мечтает стать фермером, выращивать животных. А пока учится всему. Целый месяц он в инкубаторе выращивал цыплят из яиц. И вот радость – вылупились цыплята: семь чёрненьких, один рыжий. Теперь Димке отвечать за целый выводок малышей.

Дима Е. – красноречивый оратор и лучший экскурсовод. До последнего времени у Димы не очень ладилось со школьными уроками. И вот радость – нашёлся специалист, профессор Борис Архипов, который понял, в чём проблема, велел делать специальную гимнастику. Обещал заметные результаты уже в начале следующего года.

Скоро Дима будет отличником.

Наши Илюши

Когда я был маленьким, меня родители отправили в детдом. Я не знаю, почему они меня отправили. Я жил там долго. И вдруг ко мне пришёл какой-то дяденька, он был врач. Я не помню, как его звали. Он меня осмотрел и сказал: «Я его через месяц заберу в больницу РДКБ». И пролетел этот месяц быстро.

Я собрал вещи и поехал в больницу. Там был большой аквариум и много рыб. Я там прожил месяц. И уехал в пансионат под названием «В гостях у Незнайки».

Илья Н.

Илья К. учится в 7-м классе. Он шутник и добряк. А лето провёл в Испании, куда его пригласили в гости в хорошую семью.

Наши Эдик и Олег

Я хочу, чтобы все мои желания сбывались. И я хочу, чтобы меня усыновили, а ещё, чтобы я поехал в парк увидеть, как все катаются на горках. И я сам тоже покатаюсь. И я хочу, чтобы у меня было много Лего. Я хочу, чтобы было много

друзей, и чтобы я никого не обижал.

Что я люблю

Я люблю делать поделки разные. Ещё люблю есть шоколад разный.

Я очень лошадей люблю – у них прикольные мордочки. Когда я был маленький, мне дали коня, настоящего коня. Он был белый, ростом с меня. Папа подарил его на день рождения, и я за ним ухаживал.

Олег

вал, убирал за ним, мыл его. А когда папа разорился, он продал моего коня. Мне не хотелось с ним расставаться.

Эдик

С НОВЫМ ГОДОМ!
С РОЖДЕСТВОМ!

Ваша Л.З.

ЛИЦА ДЕКАБРЯ

11 декабря исполнилось 95 лет со дня рождения Александра Исаевича Солженицына (1918—2008)

«На меня врут, как на мёртвого», – грустно говорил Александр Исаевич. На протяжении нескольких лет я к нему приезжала с диктофоном, задавала вопросы, он отвечал... Мы сидели с ним за картами боевых действий военных лет... отметили флажками весь его военный путь. При этом у меня уже были документы из Министерства обороны, я уже знала, за что конкретно ему дали те или иные награды, на каких фронтах он воевал...

Я ознакомилась с медицинскими документами 1954 г. из Ташкентского онкологического центра – справки о рентгенотерапии, о ходе лечения, о скудном дополнительном питании. Эти документы ярче всяких рассказов свидетельствовали о том, что пришлось пережить одинокому 35-летнему ээку, родители которого давно умерли, а жена, Н.А. Решетовская, оставила. И как его, умирающего от раковой опухоли, вытягивала больница в то голодное время.

...Для меня как для биографа бесценен роман «Архипелаг ГУЛАГ»... Мне он потом признался, что во всех его произведениях 90% – это история, реаль-

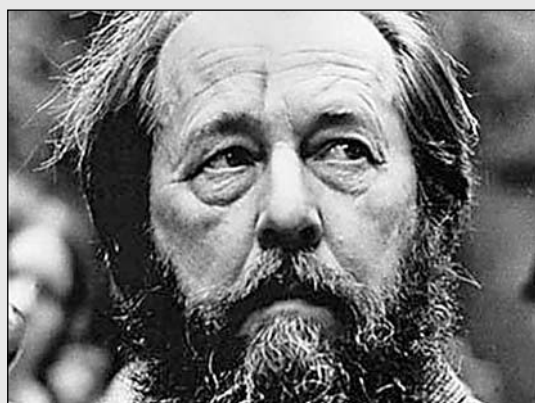
но бывшее, случившееся с ним или то, чему он был свидетелем, и лишь 10% вымысла.

Из судьбы Александра Исаевича самое яркое для меня и поучительное – это исключительная, не знающая аналогов, кроме разве Достоевского, преданность своей писательской профессии... В начале 1990-х, перед возвращением на Родину, он получал письма, убеждавшие его согла-

ситься на выдвижение в президенты; его уверяли, что поддержка народа будет очень высока. Но он неизменно отвергал любые предложения подобного рода.

Людмила Сараскина

Источник: www.pravmir.ru

«Согнутой моей, едва не подломившейся спиной дано было мне вынести из тюремных лет этот опыт: как человек становится злым и как – добрым. В упоении молодыми успехами я ощущал себя непогрешимым и оттого был жесток. В переизбытке власти я был убийца и насильник. В самые злые моменты я был уверен, что делаю хорошо, оснащён был стройными доводами. На гниющей тюремной соломке ощутил я в себе первое шевеление добра.

Постепенно открылось мне, что линия, разделяющая добро и зло, проходит не между государствами, не между классами, не между партиями, – она проходит через каждое человеческое сердце – и через все человеческие сердца. Линия эта подвижна, она колеблется в нас с годами. Даже в сердце, объятom злом, она удерживает маленький плацдарм

добра. Даже в наидобрейшем сердце – неискоренённый уголок зла.

С тех пор я понял **правду всех религий мира**: они борются со злом в человеке (в каждом человеке). Нельзя изгнать вовсе зло из мира, но можно в каждом человеке его потеснить. С тех пор я понял **ложь всех революций истории**: они уничтожают только современных им носителей зла (а не разбирая впопыхах – и носителей добра), – само же зло, ещё увеличенным, берут себе в наследство.

Александр Солженицын. «Архипелаг ГУЛАГ»

Первый из призванных

13 декабря Церковь празднует память святого апостола Андрея Первозванного

Святой апостол Андрей Первозванный первым из учеников последовал за Христом, а затем привёл к Нему своего родного брата Петра. С юности будущий апостол всей душой обратился к Богу. Страстно ожидая пришествия Мессии, св. Андрей стал ближайшим учеником Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, который затем сам направил двух своих учеников, будущих апостолов Андрея Первозванного и Иоанна Богослова, ко Христу.

После сошествия Святого Духа апостолы бросили жребий, кому в какую страну следует идти для проповеди Евангелия. Св. Андрею достались земли вдоль побережья Чёрного моря, северная часть Балканского полуострова и Скифия, т.е. земля, где позднее образовалась Русь. По преданию, апостол проповедовал на Таврическом полуострове, потом по Днепру поднялся на север и дошёл до места, где впоследствии возник Киев. «Верьте мне, — сказал апостол своим ученикам, — что на горах сих возсияет благодать Божия: великий город будет здесь, Господь просветит сию землю святым крещением и воздвигнет здесь много церквей». Апостол Андрей благословил киевские горы и водрузил на одной из них крест.

Первозванный апостол претерпел много печалей и мук от язычников: его изгоняли из городов, избивали. В Синопе его побили камнями, но, оставшись невредимым, верный ученик Христов неустанно нёс людям проповедь о Спасителе.

Многие чудеса Господь явил через ученика Своего в греческом городе Патрос (Патра): недужные исцелялись, слепые прозревали. По молитве апостола выздоровел тяжело больной Сосий, знатный горожанин; наложением апостольских рук исцелились Максимилла, жена правителя патрского, и его брат Стратоклий. Совершённые через апостола чудеса и его пламенное слово просветили истинной верой почти всех граждан Патры. Немного оставалось там язычников, и среди них — правитель города Эгеат. Св. Андрей не раз обращался к нему со словами благовестия, но даже чудеса не вразумляли Эгеата. Разгневанный тем, что люди отворачиваются от языческой веры, он приказал распять апостола на кресте, который тот прославлял.

С радостью принял св. Андрей Первозванный приговор и с молитвой сам взойшёл на место казни. Чтобы продлить мучения апостола, Эгеат приказал не прибавлять руки и ноги святого, а привязать их ко кресту в виде буквы Х. Два дня апостол с креста учил собравшихся вокруг горожан. Люди, слушавшие его, всей душой сострадали ему и потребовали снять апостола с креста. Испугавшись народного возмущения, Эгеат приказал прекратить казнь. Но апостол стал молиться, чтобы Господь удостоил его крестной смерти. Как ни пытались воины снять с креста св. Андрея, руки им не повиновались. Распятый апостол, воздав Богу хвалу, произнёс: «Господи, Иисусе Христе, приими дух мой». Тогда яркое сияние Божественного света озарило крест и распятого на нём мученика. Когда сияние исчезло, св. апостол Андрей Первозванный уже предал душу Господу (около 62 г.). Максимила, жена правителя, сняла с креста тело апостола и с честью погребла его.

Несколько столетий спустя, при императоре Константине Великом, мощи св. апостола Андрея были торжественно перенесены в Константинополь и положены в храме Святых Апостолов рядом с мощами св. евангелиста Луки и ученика св. апостола Павла —

апостола Тимофея.

Русская Церковь, приняв веру из Византии, епископы которой ведут преемство от апостола Андрея, тоже считает себя его преемницей. Вот почему память св. Андрея Первозванного так торжественно почиталась в дореволюционной России. Император

**ВЕРЬТЕ МНЕ, — СКАЗАЛ АПОСТОЛ СВОИМ УЧЕНИКАМ, —
ЧТО НА ГОРАХ СИХ ВОССИЯЕТ БЛАГОДАТЬ БОЖΙΑ:
ВЕЛИКИЙ ГОРОД БУДЕТ ЗДЕСЬ, ГОСПОДЬ ПРОСВЕТИТ СИЮ ЗЕМЛЮ
СВЯТЫМ КРЕЩЕНИЕМ И ВОЗДВИГНЕТ ЗДЕСЬ МНОГО ЦЕРКВЕЙ**

Пётр I учредил в честь апостола Андрея первый и высший орден, который давался в награду за особые заслуги перед государством. С петровских времён стягом русского флота стал Андреевский флаг: на белом фоне голубой крест формы Х, под сенью которого русские одержали множество побед.

Прот. Александр Шмеман

Пречистый Храм Спасов

4 декабря Православная Церковь празднует Введение во храм Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии

...Праздник Введения во Храм Пресвятой Богородицы. О чём он? Тема его простая: маленькую девочку родители приводят во храм Иерусалимский. Ничего необычного, в то время так поступали многие, это было общепринятым обычаем. Ибо привести в Храм — это значит жизнь ввести в соприкосновение с Богом, дать жизни конечную цель и назначение, осветить её изнутри светом высшего опыта.

Но вот, повествует церковная служба этого дня, вводят её туда, куда никто, кроме священников, не смел входить, вводят в место, называемое «святое святых», в таинственную, священную глубину храма. Имя этой девочки — Мария. Это будущая мать Иисуса Христа, т.е. Та, через которую, верят христиане, Сам Бог приходит в мир, к людям, чтобы разделить их жизнь и раскрыть божественное её содержание.

Что это — сказки? Или тут что-то поведано и раскрыто, о чём иначе, в простых человеческих словах, может быть, и не скажешь, то, что прямо, непосредственно относится и к нашей жизни?

Вот был этот благолепный, тяжёлый храм — слава Иерусалима. И веками люди верили, что только в нём, за тяжёлыми стенами может человек соприкоснуться с Богом. Но священник взял Марию и ввел её в самое священное место, и мы и сейчас поём: «Пречистый Храм Спасов вводится в храм Господень». А потом Христос сказал: «Разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его». Евангелист прибавляет: «...а Он говорил о храме тела Своего».

Смысл всех этих событий, всех этих слов, всех этих воспоминаний прост: отныне храмом становится человек, отныне не камни и не алтари, а человек — его душа, его тело и вся его жизнь — вот священный и божественный центр мира, вот его «святое святых». Один храм — живой и человеческий — входит в другой, каменный, материальный, и изнутри завершает его смысл и назначение.

Перемещается центр религии, более того — перемещается центр тяжести жизни. В мир входит учение, не ставящее ничего выше человека, ибо Сам Бог принимает человеческий образ, чтобы явить, что назначение человека, призвание его — божественное. С этого момента начинается свобода человека. Нет ничего над ним, ибо сам мир для него — дар Божий, данный ему для исполнения божественной судьбы своей.

С тех пор, что вошла Дева Мария в «святое святых», сама жизнь стала храмом. И когда празднуем мы праздник Введения во Храм, мы празднуем этот божественный смысл человека, высоту и свет его призвания. Их не стереть, не выкорчевать из человеческой памяти.

Можно без преувеличения сказать, что церковное почитание Девы Марии, Божьей Матери, выросло, как дерево из семени, из созерцания Её у яслей, в Вифлееме, в ту для христиан единственную по своему значению ночь, когда родился Иисус Христос, когда образ Матери с Младенцем на руках стал — и навсегда остался — главным, самым глубоким, самым радостным образцом нашей веры, нашей надежды, нашей

любви... Иначе говоря, все праздники, все молитвы, вся любовь, направленные на Божью Матерь, укоренены в празднике Рождества Христова.

В древности, когда ещё не развился церковный календарь, единственным праздником в честь Девы Марии был второй день Рождества — 26-е декабря, день, который и доныне называется Собором (то есть собранием) в честь Пресвятой Богородицы. Именно в праздновании христианской Церковью Рождества Христова, т.е. в молитвах и песнопениях этого дня, находим мы самый глубокий пласт богородичной темы, присущей христианской вере, т.е. нашего отношения к Марии, нашего восприятия как Её образа, Её личности, так и места Её в нашей религиозной жизни.

Одна тема, один мотив красной нитью проходит через все празднования Рождества Христова: это переживание Матери Христовой как дара мира, дара человечества и, значит — нашего дара приходящему в мир, к человеку, Богу.

«Что принесёшь Тебе, Христос?» — спрашивает одна из рождественских молитв. И отвечает так (я привожу молитву эту в её русской, а не церковнославянской форме): «Всё, сотворённое Тобою, встретило Тебя своими дарами. Небо дарит Тебе звезду, ангелы — пение, волхвы — приношения, пастухи — свою радость, земля — пещеру, пустыня — ясли. Мы же, люди, приносим в дар Тебе Матерь-Деву...»

В чём глубокий смысл этого удивительного песнопения? Да в том, конечно, что мир, что всё творение не только жаждут соединения с Богом, не только ждут Его пришествия к нам, но и готовят эту встречу, так что именно встреча Бога с человеком, свободная и любовная, составляет самую сердцевину христианской веры.

Для современного слуха, высушенного, вылущенного поверхностной рассудочностью, слова о небе,

приносящем приходящему в мир Богу – звезду, или о земле, приносящей Ему пещеру и ясли, звучат всего лишь как поэтические метафоры, как поэзия, не имеющая, «как известно каждому», никакого «объективного» значения, никакого отношения к реальности. Чего наше рассудочное сознание не вмещает, так это того как раз, что именно поэзии, и, может быть, только ей, дано видеть, слышать и нам передавать и являть глубокий смысл, лучше сказать – глубину всякого явления, всякой реальности, ту подспудную их силу и правду, которая скрыта от маленького, самодовольного, одной лишь внешностью вещей занятого рассудка.

Небо, в дар Христу приносящее звезду! Что это значит, как не то, что всё в мире, и прежде всего сам мир в своей целостности и гармонии, в самой своей природности, как бы предназначен, предопределён к явлению в нём высшего смысла, что сам мир не случаен, не бессмысленен, а, наоборот: мир – и символ, и желание, и ожидание Бога.

«Небеса поведают славу Божию!» Это знает поэзия, это знает вера. И потому в Рождестве Христовом поэзия и вера видят не только пришествие Христа, но и встречное движение к Нему мира: звезда, пустыня, пещера, ясли. Ангелы, пастухи, волх-

вается глубинный смысл, глубинное содержание мира...» И потому, прежде чем начинает узнавать вера в Марии – Мать и заступницу, прежде чем находит свою полноту почитания Её в бесчисленных молитвах, праздниках, изображениях, до всего этого, как основание и источник всего этого, – явлена нам божественная полнота, божественная красота той ночи, и в самом сердце её – ослепи-

царапать у них хоть долю самого простого, животного счастья, кто – в беспредметные мечтания. Но всё это всегда, рано или поздно, оказывается тупиком, и только ещё более страшным становится пробуждение и сильный возврат к постылой лямке.

Не случайно, какую бы область жизни мы ни взяли, каждая в наши дни стала «проблемой». Проблема общества. Проблема труда. Проблема

ПЕРЕМЕЩАЕТСЯ ЦЕНТР РЕЛИГИИ, БОЛЕЕ ТОГО – ПЕРЕМЕЩАЕТСЯ ЦЕНТР ТЯЖЕСТИ ЖИЗНИ. В МИР ВХОДИТ УЧЕНИЕ, НЕ СТАВЯЩЕЕ НИЧЕГО ВЫШЕ ЧЕЛОВЕКА, ИБО САМ БОГ ПРИНИМАЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ОБРАЗ, ЧТОБЫ ЯВИТЬ, ЧТО НАЗНАЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА, ПРИЗВАНИЕ ЕГО – БОЖЕСТВЕННОЕ. С ЭТОГО МОМЕНТА НАЧИНАЕТСЯ СВОБОДА ЧЕЛОВЕКА.

тельный свет, исходящий от образа Матери с Младенцем на руках.

Всё то, что распалось в грехе, злобе, гордости человеческой, – снова соединено: небо и земля, Бог и человек, природа и дух. Мир становится хвалой, слова – любовью и песнью, материя – даром, природа – яслями. Та любовь, которой Бог извечно возлюбил мир, и та любовь, которой, на последней глубине своей, извечно любит мир Бога, соединились, и исполнились, и воцарились в этом образе, в образе, которого никто и никогда не смог выкорчевать из человеческой памяти, из человеческого сознания.

пола. Проблема женщины. Проблема счастья... И стало всё это проблемой потому, конечно, что, с одной стороны, готовые ответы и предписания, даваемые казённой пропагандой, уже давно развенчаны, обличены в своей лжи и пустоте, перестали быть ответами, и потому, с другой стороны, что иных ответов нет и мы так часто не знаем – где и как их искать. И воцаряются в нашем сознании пустота и цинизм, и вот их-то и хотим мы заглушить, от них бежать.

Многие в наши дни начинают смутно сознавать, что подлинные ответы невозможны, если не прорвётся человек к высшему и вечному, не обретёт веры.

Но ведь и в Бога можно верить по-разному. Ведь и вера может быть тоже только уходом, только бегством, своего рода психологическим опьянением, т.е. вера может быть псевдоверой, или ложной верой. Увы, и во имя веры, во имя Бога можно ненавидеть и творить зло, разрушать, а не созидать. И не говорил ли Сам Христос, что *«многие придут во имя Его, и многих прельстят»*, и не говорил ли Христос также о том, что не всякий, говорящий Ему «Господи, Господи», войдёт в Царство Божие?

Поэтому с первых же дней своих христианство не спрашивало: веришь ли ты? – ибо знало, что и те, которые распинали и предавали Христа, тоже во что-то и как-то верили; нет, христианство спрашивало: как ты веришь? И во что?

И вот здесь, при попытке ответить на этот основной для подлинной веры вопрос, и вырастает перед внутренним взором почти бессознательно, почти невольно, образ Девы-

ЦЕРКОВНОЕ ПОЧИТАНИЕ ДЕВЫ МАРИИ, БОЖЬЕЙ МАТЕРИ, ВЫРОСЛО, КАК ДЕРЕВО ИЗ СЕМЕНИ, ИЗ СОЗЕРЦАНИЯ ЕЁ У ЯСЛЕЙ, В ВИФЛЕЕМЕ, В ТУ ДЛЯ ХРИСТИАН ЕДИНСТВЕННУЮ ПО СВОЕМУ ЗНАЧЕНИЮ НОЧЬ, КОГДА РОДИЛСЯ ИИСУС ХРИСТОС.

вы. И, как лучезарная сердцевина, как скрепление и полнота всех этих движений – Мария, лучший, самый прекрасный плод, божественный цветок мироздания.

Ты даёшь нам по любви Твоей Сына Твоего – как бы говорит вера Богу. Мы в нашей любви даём тебе Марию, Деву-Мать, чтобы Сын Божий мог стать Сыном Человеческим, быть одним из нас и нас в Себе соединить с Богом. В лице Марии совершается как бы брак Бога с миром, исполнение их взаимной любви.

Говорит Евангелие: *«Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного...»* Отвечает Церковь: «Так возлюбил мир Бога, что отдал Ему Ть, в чьей красоте и чистоте раскры-

Вглядываясь в этот образ, радуясь ему, мы вглядываемся в единственный подлинный образ мира, жизни и человека. И, ублажая Матерь-Деву, радуемся прежде всего тому, что в Ней раскрылось о нас самих, о божественной глубине, красоте, мудрости и свете мира, когда он воссоединяется с сотворившим и любящим его Богом.

* * *

В мире страшно и пусто. Одиноко. И бесконечно трудно жить. И потому так много людей ищут только того, как бы уйти от этой лжи, от этой безрадостной жизни, и погружаются – кто в беспробудное пьянство, кто – в попытки обмануть обманщиков, вы-

Матери. О, это совсем не значит, что образ этот хоть как-то заслоняет собою образ Христа или же представляет собой для веры как бы второй объект, отличный от Христа. Нет, ибо от Христа, только от Него, получаем мы этот образ как некий подарок нам, как раскрытие всего того, о чём учение, к чему – призыв Христа. Так вот, спросим себя: в чём же его сила, в чём его помощь нам?

Мой первый ответ, возможно, удивит многих. Вот он: это образ женщины. Первый дар Христа нам, первое и самое глубокое раскрытие Его учения и призыва даны нам в образе женщины.

Почему это так важно, так утешительно, так спасительно? Да потому, что мир наш стал до конца безнадежно мужским миром. В мире нашем царят гордыня, агрессивность, в нём

всё сведено к орудиям власти и властвования – к производству и к орудиям производства, к соперничеству, насилию, нежеланию в чём-то уступить, где-то смириться, умолкнуть, погрузиться в тихую глубину жизни. И именно всему этому противостоит, всё это обличает – одним своим присутствием – образ Девы Марии, Пречистой Матери, образ бесконечного смирения, но также и силы и красоты смирения, образ чистоты – и её силы и красоты, образ любви – и победы этой любви.

Дева Мария, Пречистая Мать ничего не требует – и всё получает. Ничего не добывается – и всем обладает. В образе Девы Марии всё то, чего почти уже не осталось в нашем мужском, гордом и агрессивном мире: сострадание, жалость, забота, доверие; про Себя Она говорит: «се

раба Господня», а мы называем Её Царицей неба и земли, Владычицей и Госпожой. Дева Мария ничему не учит, ничего не доказывает – но вот одно Её присутствие, один свет и радость этого присутствия просто снимают выдуманные, вымученные нами проблемы.

Как если бы после длинного, мучительного, разбитого дня мы вернулись домой, и всё снова ясно, и всё полно того никакими словами не передаваемого счастья, которое и есть единственное подлинное счастье.

Христос говорил: *«Ищите прежде всего Царствия Божия»*. Так вот, в этой женщине – Деве, Матери, Заступнице – мы не умом, а сердцем чувствуем, что значит искать и найти Царство и что значит жить им.

Источник: www.pravmir.ru

ЛИЦА ДЕКАБРЯ

26 декабря исполнилось 70 лет со дня рождения режиссёра, актёра, писателя, Заслуженного деятеля искусств России, лауреата Государственных премий, в т.ч. за работы для детей и юношества, Валерия Приёмыхова (1943–2000)

лившего на себя ответственность за неблагополучных подростков и готового душу положить за каждого из них. Такова была гражданская и нравственная позиция самого актёра, написавшего кроме «Пацанов» сценарии фильмов «Никудашная», «Кто, если не мы», «Мигранты» и др., чётко обозначивших болевые точки времени. Последней его работой стал неосуществлённый сценарий «Владимир Красно Солнышко» о кресте-

Широкую известность принесла Приёмыхову роль Лузги – бывшего офицера и зэка, вместе с героем А. Папанова сражающегося с бандой уголовников («Холодное лето 53-го»). Самая же пронзительная из его ролей – роль Антонова в фильме Динары Асановой «Пацаны», взва-

теле Руси св. равноап. князе Владимире, где центральной темой должен был стать путь человека к Богу.

Сын коммуниста, партийного работника, Валерий крестился в 33 года, чему предшествовал глубокий духовный поиск, о котором он никому не рассказывал. По словам его духовника прот. Владимира Волгина, он «не играл безнравственных ролей. Я сказал ему: “Любое дело надо делать во славу Божию. И если вы будете играть во славу Божию – безусловно, разборчиво относясь к ролям, которые будут предлагать, – то не только вправе, но и должны развивать тот талант, который получили от Бога, от природы”. Это его успокоило».

В 1996 г. Приёмыхов побывал в Святой Земле. В 2000 г., незадолго до смерти, испытывая мучительные головные боли, он приложился к привезённой с Афона в Москву честной главе св. целителя Пантелеймона. Боли отступили. Господь даровал ему тихую и безболезненную кончину.

Анна Шмаина-Великанова

Окно митрополита Антония*

8 ноября в Лондоне состоялось отпевание Татьяны Майданович, духовной дочери митр. Сурожского Антония. Именно благодаря Татьяне Львовне и её сестре Елене Львовне мы имеем многотомное печатное наследие владыки Антония.

О Татьяне Львовне вспоминает Анна Ильинична Шмаина-Великанова, доктор культурологии, доцент Центра изучения религий РГГУ

Татьяна Львовна Майданович родилась в 1935 г. в Париже. Отец её до конца своих дней говорил о себе как о морском офицере, – «мичман Майданович». Мичман Майданович в молодости служил у Александра Кутепова в Белой гвардии, в самом её отчаянном крыле (т.н. РОВС), но большую часть жизни он прожил в эмиграции и работал маляром.

Мать, необыкновенной воли и ума женщина, вырастила четырёх дочерей так, что все они посвятили свою жизнь Богу, Церкви.

Самая старшая, Наталья, стала иконописцем, помощницей Леонида Успенского. Вторая, в крещении Ирина, в монашестве – Ирина, была сначала насельницей Пюхтицкого монастыря, а свои дни закончила в Свято-Иоанновском монастыре в Санкт-Петербурге. Следующая – Татьяна, и самая младшая, слава Богу, ныне здравствующая, Алёна.

«Отец, – рассказывала мне Таня, – часто говорил: “Если я услышу дома хоть одно французское слово, немедленно надену шляпу и уйду навсегда”. Но выполнить этого он не мог, потому что шляпы у него почти никогда не было. Когда же он становился владельцем старой шляпы, было ещё хуже. Как-то зимой он вышел из храма, ещё не успев надеть головной убор. Стоит, крестится. Обернулся – в шляпе пять франков». Скучность в семье была великая. Сёстры Майданович к ней совершенно привыкли и никогда не жаловались.

Семья принадлежала к тому незначительному меньшинству русской эмиграции, которое осталось в Московской Патриархии. Отношения между представителями различных Церквей были несколько острыми, что разрывы прошли по семьям, разлучили жениха и невесту, мать и дочь. Если говорить о Франции, речь, прежде всего, о противостоянии между теми, кто остался в Московской Патриархии, и теми, кто перешёл под юрисдикцию

Константинопольского Патриархата. (...)

Понятно, что этим церковным выбором эмигрантское одиночество семьи Майданович многократно усиливалось. Притом, что они не принадлежали к просоветской части русской парижской эмиграции...

И вот в таком одиночестве выросли эти девочки, полностью преданные Русской Православной Церкви, служившие ей с детства. Они пели на клиросе, убрались в храме, писали иконы, помогали изданию журнала «Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата»...

Знания без документов

Таня не получила высшего образования. Девочки окончили русскую гимназию в Париже, которая не была аккредитована, и после её окончания нельзя было поступить в университет. Таня два года проучилась в Переводческой школе при Сорбонне. И это и в дальнейшем сказывалось на её внешней жизни, не церковной. Будучи широко, разнообразно образованным человеком, с большим кругозором, она ничем, кроме знания иностранных языков, не могла воспользоваться, потому что у неё не было никаких документов об образовании.

Неизвестная страна

В 1956 г. семья уехала в СССР. Причины этого были многообразны, главная из них – неизменное стремление родителей вернуться на Родину, что стало возможно после смерти Сталина.

Первые впечатления Тани о Москве: их встретил добрый знакомый и повёл гулять по городу. На Красной площади висела реклама (...) «Покупайте детские коляски». Не коляски какой-то фирмы с такими-то достоинствами, а просто – коляски... И Татьяна почувствовала, что она сейчас упадёт в

обморок. Эта маленькая деталь показала ей: они попали в совершенно другой мир.

Семья оказалась в Алма-Ате: разрешение было получено на жительство в любом месте Казахстана. В консульстве мило сказали: «А там уедете, куда захотите», – об институте «прописки», разумеется, ничего сказано не было. Там они столкнулись с изнанкой советского быта... (...)

Мужественная и дальновидная мать не отчаялась. Она покупала газеты и писала (...) объявления об обмене. И вот однажды, по-моему, в 1960 г., она увидела объявление, что семье из Сергиева Посада (тогда Загорска) крайне необходимо переехать в Алма-Ату. Именно из Сергиева Посада, где корни, где Церковь. Мама, словно почувствовав, что её долг выполнен, довольно скоро тяжело заболела.

Перебравшись в Сергиев Посад, Таня, поскольку знала языки, пошла работать в иностранный отдел Московской Патриархии. (...) Она, как и в эмиграции, оказалась одна. И опять её спасло то, что было в центре жизни – преданность Русской Церкви.

Встреча с владыкой

В 1960 г., насколько я помню, первый раз приехал в Москву владыка Антоний Сурожский. Таня встретила с ним, и эта встреча была определяющей, я бы сказала, для семьи, но и для владыки тоже. Хотя, конечно, в жизни Майдановичей это значило всё, а в жизни Владыки это была часть. Но если бы этой встречи не произошло, мы бы никогда не говорили: «как сказал владыка Антоний», «как написал владыка Антоний», «как думает владыка Антоний». Потому что владыка Антоний своей рукой не написал по-русски ни одной статьи. По-

* Печатается с незначительными сокращениями.

английски – лишь одну крошечную книжечку. По-французски – какие-то очень ранние маленькие научные конспекты, доклады.

Всё то многотомное наследие, которое мы имеем, издаваемое миллионными тиражами, – плоды стараний Тани и Алёны Майдамович.

Мы, так сказать, дети шестидесятых, имели счастье пользоваться результатами их работы уже тогда, не зная Таню и Алёну. Помню перепечатанные на папиросной бумаге («Эрика» берёт четыре копии») сочинения владыки Антония. Как они появлялись?

Таня – девушка необыкновенной наружности, сказать «красавица» будет не совсем правильно, но, во всяком случае, обворожительная и абсолютно не похожая на окружающих. Самую простую российскую одежду она носила так, как никто не носит, кроме того, им иногда присылали из Франции старые вещи. В вагоне метро вы бы определили её сразу, хотя она стремилась к противоположному эффекту.

И вот такая особенная, элегантная девушка с магнитофоном встаёт во время проповеди владыки как можно ближе к нему. Как это «считывает» простой советский верующий человек? «Вот они! Добрались и сюда». В более поздние годы вокруг Тани собирались ребята, чтобы не дать разгневанному народу отнять у «кэгэбэшницы» технику...

Так что даже запись бесед владыки была проявлением героизма. Но дальше происходила та часть деятельности, которая уже просто подпадала под 70-ю статью УК – «Изготовление, хранение и распространение клеветнических, заведомо ложных измышлений, порочащих Советский Союз», а именно – распространение проповедей владыки Антония. Таня записывала, расшифровывала, Алёна помогала, распространяла.

Как? До сих пор я не знаю, кто были те люди, которые развозили уже готовые проповеди владыки Антония. Таня и Алёна делали закладку – пять экземпляров, потом вторую, дальше это распространялось «само», в геометрической прогрессии. Алёна была прикована к Лавре, к Загорску. Курсировала между Москвой и Посадом, в основном, Таня. Если владыка отпралялся куда-нибудь в другой город: в Тулу, в Ленинград, в Киев, – она пыталась ехать с ним, но это не всегда получалось.

Вновь эмиграция

Потом она уехала. Связано это было с тем, что владыку стали очень редко пускать в СССР. Между 1974 и 1982 гг. он почти не бывал здесь (ненадолго приезжал в 1978-м на похороны митр. Никодима), и Танина миссия не могла осуществляться.

Таня восстановила своё французское гражданство, сохраняя и советский паспорт. Она стала работать в Париже, в канцелярии Экзархата, издавала «Вестник Русского Западно-европейского Патриаршего Экзархата» и продолжила записывать владыку Антония. Также предпринима-

ла попытки переехать в Лондон, чтобы быть ближе к нему.

Этот переходный период был временем нашей наибольшей дружбы с того момента, как во Францию переехали мы. Долгие эмигрантские годы Татьяна Майдамович была моим единственным другом.

У Тани не было ничего: не было жилья, не было имущества. При этом она всегда выглядела необыкновенно изящно, носила ослепительно белые водолазки. Как-то я пришла к ней, и она стала вручать мне другую ослепительно-белую водолазку со словами: «Это тебе, мне подарили». Я в ответ: «Пусть у тебя будет сменная». На что услышала: «У меня не два тела». У неё ничего сменного не было, только её ежедневно стираемое.

Она много работала и выполняла скучную секретарскую работу с необыкновенным артистизмом, лёгкостью и очень быстро. У неё были разные ящички с надписями, на одном, например, было написано «Срочно». И ещё был особый ящик с

замечательной надписью: «Отложить до потери актуальности».

Быстро справившись со своей ежедневной работой, она садилась расшифровывать или переводить тексты владыки Антония, собирать книгу. Это звучит неправдоподобно, но, насколько я знаю, первую книгу владыки Антония «Проповеди и беседы», 1976 г., Париж, она издала на свои средства. Она подрабатывала устным переводчиком, ей было всё равно, с какого языка переводить: английский, французский, русский, – она знала их отлично.

Мне хотелось бы, чтобы было понятно, насколько Танино служение было бескорыстным. Бескорыстным не в грубом смысле слова, а в предельном. Это было служение владыке. Но владыка нежно улыбался, получая книгу – первую или десятую, – и говорил: «О! Дивно! Чудно!» – и в ту же секунду передавал её кому-то. Он их не открывал. И сначала мы не до конца поверили в это, потом знали уже точно: ему всё равно. То есть, она, как и Алёна, не могла рассчитывать даже на благодарность с его стороны. На его любовь – да, но он всех любил. На особую любовь – да, конечно. Но это не то, на что рассчитывают. Обычно хочется благодарности, хочется услышать «спасибо».

Но этого не было. Было служение владыке, но не для него. Для нас. Для всех. Испытание, которое, я не знаю, кто бы мог вынести. Она вынесла – легко, радостно.

Многие люди, близко стоявшие рядом с владыкой Антонием в какой-то период жизни, приобрели привычки, особенно после его смерти, особенно в России, говорить как бы от его имени: «Владыка считал...», «Владыка сказал бы...». Таня этого не делала никогда. Хотя в каком-то смысле, конечно, она была к нему ближе всех.

Она всегда стояла недалеко. Но она старалась быть «окном», как владыка был окном, через которое мы можем видеть Христа. Таня, при всей своей эксцентричности, странности, психической неуравновешенности, в конце концов, бросающейся в глаза, душевной, физической непохожести ни на кого на свете, – духовно была окном, в которое можно было увидеть владыку.

Земляника на Рождество

Таня пришла к нам однажды в Париже вечером на русское Рождество. Чтобы хорошо угостить её (а

она ела редко и мало), мы в том числе купили земляники. Недавно приехав из России, мы удивлялись, что в Париже можно было купить всё.

Мы благоговейно принесли эту землянику и поставили перед Таней.

На следующий день я встречала в аэропорту мою сестру и спросила у неё: «Как ты думаешь, что сказала Таня Майданович, когда её угостили на Рождество свежей земляникой?» «Владыка её не ест», — сказала моя сестра, не задумываясь ни на одну секунду.

Общаясь с Таней, вы могли знать, что, по какому поводу сказал, сделал владыка. На дружеское: «Ой, Таня, какая у тебя сумка, из неё же всё выпадает! Давай я тебе куплю новую!», Таня отвечала: «Не нужно, у владыки кошелёк без молнии, обходится как-то, и я могу».

Это было такое восприятие. Раз он может — о чём речь? Всё, что она видела вокруг, соотносилось с жизнью владыки.

Переезд в Англию

В начале восьмидесятых Татьяна переехала в Англию. И всю оставшуюся жизнь она прожила в Лондоне, вблизи владыки. Двадцать лет при нём и на десять лет его пережив, продолжая расшифровывать и переводить его.

В 1993 г. мы уехали в Россию и с тех пор с Таней не виделись.

Последний раз мы относительно долго общались на Пасху 1992 г. Страстную и Пасху мы прожили в Англии, но у Тани гостить было нельзя: она всегда жила у чужих или в таких помещениях, в которых нельзя было остановиться. Она как была нищей, бесправной раньше, так и осталась нищей и бесправной в Лондоне. Лишь в последние годы у неё было какое-то право на медицинское обслуживание, на социальную помощь, но я уже этого не застала. Я наблюдала её только в бедственном положении. Так что мы виделись в храме, ходили вместе куда-нибудь пообедать, погулять. Её странности в это время усилились, иногда были периоды очень тяжёлой депрессии, из которой владыка умел её выводить.

Я видела доверие владыки к Тане. Передать это доверие словами трудно. Вот владыка всех нас благословляет, Таня подходит к нему, он кла-

дёт ей руку на голову, и в этом жесте видно то доверие, которого он ни к кому, наверное, не испытывал.

Тем не менее, когда мы приехали последний раз, психическое Танино состояние было плачевно: было видно, что человек болен. Она нам обрадовалась, но как бы скорее теоретически, потому что непосредственно обрадоваться не могла.

В храме была прихожанка, совершенно безумная женщина, местная юрдивая или, как иногда в сердцах говорил владыка, «хулиганка». Несчастливая, с такой страшной судьбой, что было нормально с её стороны, что она сошла с ума. На службе она много раз на меня бросалась, и я не обращала никакого внимания, поскольку знала, кто такая эта «Вера-хулиганка». Но тут она напала на моего сына, существо необычайно тонкой душевной организации, пяти

не придумывала, чтобы Ванька забыл случившееся!

Вот так в каком-то смысле мы простились. Потом мы были в Лондоне ещё один раз, на Рождество, но виделись уже совсем мельком, в храме. Не случилось больше.

Танина эксцентричность никогда не выходила за рамки, не приближалась к юрдивости. И главное, она не имела большого значения, потому что всё определялось работой, служением, которое было эффективным (и это ещё звучит неточно, не определяет всей его сути). Это служение было плодоносным.

Каждый раз что-то новое...

Я помню, как однажды Таня мне сказала: «Вот я каждый день его (Таня обычно не говорила «владыка») всё время читаю. Не только каж-

дый день, но с утра до вечера, — и всё не надоест, каждый раз нахожу что-то новое».

А другой раз я зашла к ней, она сидит и перепечатывает беседу владыки на великопостное говение. Она слушает, распечатывает и абсолютно беззвучно рыдает.

Я тихо остановилась в дверях, а мимо пробежала некая благочестивая женщина: «Танечка, что с тобой?» Она показывает магнитофон: «Со

мной ничего. Что он говорит!» — «Так это проповедь, — сказала эта духовная, работающая в церкви женщина. — Что же ты хочешь?»

Между словом владыки и Таней не было никакого зазора, оно попадало к ней непосредственно, влияло на неё целиком. И благодаря этому она могла и нам это слово передавать. Поэтому она не раз говорила: «Венчает он — мне бы тут стоять, отпевает — мне бы здесь лежать...» Всё на себя примеряла. Но ей выпало его пережить. Мы боялись, не понимали, как она будет жить без владыки. Но она осталась на своём посту.

«Вся в отца»

Таня первой пришла ко мне в роддом, когда родилась дочка, и первой поздравила, когда родился сын.

Помню, как в роддоме она сказала, глядя на дочку: «Вся в отца». Я добросовестно всматриваюсь в девочку двух дней от роду и не вижу

сходства. То же самое говорят мне сёстры – я всё равно не вижу. Спрашиваю: «Скажи мне, Таня, в чём ты видишь это сходство?» Она в ответ: «Французские автоматизмы меня душат. Раньше чем успею подумать, произношу их. (Во Франции полагается говорить, что ребёнок похож на отца). Конечно, она похожа только на себя самоё. Вылитый Пушенок»... Собственно, мы так её и называли в детстве.

Во все важные жизненные моменты Татьяна была рядом. Она была свидетелем у меня на свадьбе. Я не понимала по-английски, не понимала, что говорят, что происходит во время совершения брачной церемонии. Таня переводила и делала это так, что было полное впечатление восполнения.

И она фотографировала на венчании, несмотря на то что венчал владыка, и ей, конечно, хотелось не бегать с фотоаппаратом, а тихо стоять неподалёку от него.

Потом владыка прошёл с нами в трапезную, где должно было быть торжество, и я спросила: «Владыка, а что вы будете сейчас делать?» Он ответил: «Что ты скажешь, сегодня твой день». Я к нему присмотрелась и вижу, что он цвета белее белого: ему стало нехорошо во время венчания. Говорю: «Владыка, мне кажется, вам надо поехать домой». Не буду лукавить, для того, чтобы произнести это, мне потребовалось большое усилие. Я понимала, что в моей жизни никогда не было и уже не будет дня, который я могу провести с владыкой. Потому что если я сейчас скажу: «Владыка, пойдёмте гулять», – он пойдёт гулять. Если сяду с ним рядом и буду сидеть до вечера, разговаривая о том, о сём, он никуда не уйдёт. Но я понимала, с другой стороны, что это всё нельзя, ему надо срочно ехать домой.

Мы проводили его до машины. Он поцеловал нас, благословил и уехал. И когда машина отъехала, Таня взяла меня за руку и сжала, пробормотав что-то: «спасибо» или «благодарю», я даже не очень разобрала. Но сила её благодарности была такой, как будто это мать беспокоилась за ребёнка.

Победительница

Она боялась и ненавидела советскую власть. И умела её побеждать. Её страх был не страх покоряющегося, а страх бойца, который понимает, что перед ним не кролик, а тигр, и

умеет поймать его в ловушку. В борьбе Тани с советской властью неизменно выигрывала Таня.

В этом была вся её политическая позиция: уворачиваться и распространять сочинения владыки. Нарушать закон всеми возможными способами, но так, чтобы они этого не знали. Никакой фронды, никакого диссидентства, это было абсолютно нельзя допустить. Это бы ударило по владыке, это сказало бы на сотнях тысяч верующих, которым нужны тексты. У неё была миссия, которая не позволяла ей выступать в каких-либо публичных акциях...

Всё только под покровом полноты тайны, иначе это тут же провалилось бы.

Я помню, она включила в самый первый сборник проповедь владыки во время ремонта храма. И там было написано: «Иконы сняты со стен, повёрнуты...» Я с некоторым удивлением спросила: «Ведь это какая-то частность, нужно ли – в книгу?» Таня посмотрела на меня как на сумасшедшую и сказала: «Ты что, это же положение в России. Нет храмов». То есть, у неё это всегда было в сознании, что проповеди нужны живущим далеко от храма.

Именно о многочисленных читателях она думала всю жизнь. Самойто ей достаточно было слушать и не распечатывать.

Важно сказать, что Таня так ни разу публично и не появилась. За последние двадцать лет усилия многих людей привели к тому, что Алёну «легализовали», она стала президентом фонда «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского», её подпись стоит на всех изданиях. А Таня так и осталась в тени. Она прожила и скончалась незримой, как окно. Хотя Алёна прилагала и прилагает всяческие усилия, чтобы исправить это. Всюду отмечает, что перевод сделан Татьяной Львовной Майданович.

Засахаренные фиалки

В определённой среде Татьяна имела большой духовный авторитет. Мне казалось, что более уязвимого, хрупкого, ранимого существа на свете нет. Но, приехав в Париж, я убедилась, что у неё есть какие-то подопечные, которых она наставляет, как жить, чтобы обед не подгорал, чтобы не быть обузой. Это сначала меня поразило, а потом я увидела, что эта хрупкость и уязвимость сочетаются со стойкостью, может быть, не её собственной вовсе. Со стойкостью,

порождённой таинственной внутренней жизнью, жизнью молитвы, которой её научил владыка.

Что же касается такого внешнего общения, то Таня была чрезвычайно изысканна, остроумна, аристократична, блестяща, – и это особенно поражало русских людей, идеализирующих дореволюционную аристократию, но плохо её себе представляющих. Всё это в ней было в полной мере. Безупречные манеры, способность сказать ужасающую колкость так, что только потом сообразишь, поставить на место, когда нужно, – всё это она умела отлично. Была удивительной рассказчицей.

Помню её рассказ о засахаренных фиалках. Живя в СССР, она добывала из Парижа женские журналы. И вот она принесла один такой журнал на работу, в свой иностранный отдел. Женщины сразу принялись читать кулинарные рецепты. В одном говорилось: «Это пирожное очень хорошо декорировать засахаренной фиалкой». Москва, 1969 год. Конец ноября. Нет ничего нигде. А тут предлагают декорировать засахаренной фиалкой. «Я ничего не могла им объяснить, и мне стало больно. Первое, что я сделала, приехав в Париж, – купила большой пакет засахаренных фиалок и отправила им с первым знакомым, который ехал в Москву. И так при помощи вот этой засахаренной фиалки смогла объяснить им, что такое странная, далёкая заграница», – вспоминала Татьяна.

Московские интеллигенты говорят, как правило, о книжках. Таня иногда любила раздражённо сказать: «Учти, что я не читала ничего. Мне известна только одна очень хорошая проза», – и показывала на очередные проповеди. Она, конечно, на себя наговаривала. Если не в области, скажем, художественной литературы, то в области богословия она обладала очень широким кругозором. С ней было интересно говорить на любую тему.

Таня часто повторяла: «Моя родина – не Франция и не Россия, моя родина – эмиграция». Да, я бы сказала даже уже: её родина была Русская Церковь в изгнании.

Как бы это определить: кем была Таня Майданович, в чём была её тайна?

Она была мудрая дева, которая знала свой час, никогда не ошибалась, – я бы сказала так.

Подготовила Оксана Головки

Источник: www.pravmir.ru

Татьяна Майданович

Где бы он ни служил, я включала свой магнитофон

Родилась я в Париже в семье русских эмигрантов, было нас четверо, четыре девочки. Семья была традиционно церковная, в меру благочестивая, ходили в церковь, и так длилось, пока не подросли девочки. Подросши, так случилось, что попали в приход, который был живее, чем церкви, куда прежде ходили: там были лекции, курсы лекций, кружки, двое из нас попали на клирос, пели, читали, учились службе, всё это знали и умели, и к этому приходу я была очень привязана. (...) Меня попросили ещё делать какие-то канцелярские работы, и это уже распространялось на Западноевропейский экзархат – все храмы Московской Патриархии в Западной Европе (...) и всё это было мне страшно дорого. Владыку Антония я к тому времени видела, может, раз или два, потому что он (...) уже служил в Англии, а я сидела в Париже.

А когда мне был 21 год, то (...) родители, ну, можно сказать, увезли нас. Они всегда мечтали вернуться на Родину, и мы уехали. И там я очень тосковала. Мне не так беспокоило, что там оказалось, (...) сколько я тосковала по тому, что оставила за собой. И когда приезжал кто из Западной Европы, из экзархата, (...) близкий ли человек, менее близкий, я тянулась к ним и льнула очень, именно потому, что тосковала так.

Так произошло и с владыкой Антонием тоже. Он приехал в первый раз в Россию в 1960 г., и я к нему потянулась. Это был осенний Сергей; в этой огромной толпе он посмотрел на меня и узнал. Это было чудесно. (...) В тот приезд я его видела раз или два. Это было начало. И в тот приезд он оставил несколько листочков своих проповедей. Он не готовит ведь ни проповеди, никакие свои выступления не готовит, а это записывается на магнитофон. Те, видимо, были записаны на магнитофон и напечатаны. И почему-то (...) не кому-нибудь более значительному, а мне оставил. Их было с полдюжины или с десяток, проповедей.

Проповедь для меня в своё время была такое же традиционное действие: просто прилично надо стоять и слушать проповедь, а так, чтобы специально затрагивало, этого я не могу сказать. А тут, видимо, что-то заинтересовало, что-то меня затронуло, даже не на слух, а на печатных листочках. [Потом] я была в одном месте, где меня попросили выкинуть или сжечь всякие ненужные бумаги, и случайно среди этих бумаг я увидела выступления владыкины на Би-би-си; я, значит, вздрогнула и стала их быстро совать за пазуху... Так что и эти проповеди накопились тоже. Потом я уже не помню, откуда ещё какие-то тексты поступали. Видимо, он тогда уже начал говорить в [духовных] академиях, во всяком случае, в Московской, и (...) текст его беседы (...), можно сказать, кружными путями к нам попал. К тому времени примерно у меня появилось радио и магнитофон, так что мы слушали радио и подключали к магнитофону – тоже источники текстов (...) Это читали мама, Алёна, ещё каким-то людям, к которым доверие было, давали читать.

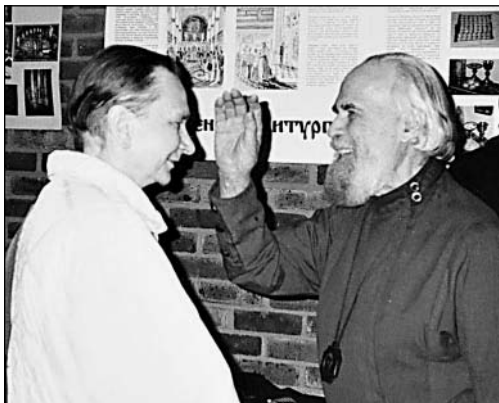
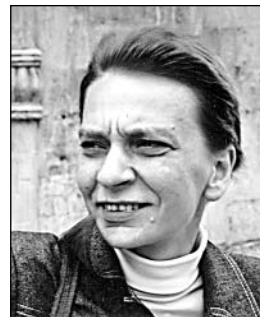
(...) В 1966 г. я ездила на побывку во Францию, три месяца отсутствовала, не была дома. А когда я вернулась,

Алёна мне поднесла сюрприз: эти все бумажки, которые врозь лежали, она напечатала таким томом в пяти экземплярах. Первый четкий, второй чуть менее, пятый уже с трудом можно было разобрать. Но тут я, можно сказать, «охнула» – в кавычках – от страха: (...) никаких угроз не было, но я знала, что в то время за хранение и распространение духовной литературы можно было до десяти лет тюремного заключения получить (...) Ну, я охнула – и стала продолжать. Алёнка положила начало, так сказать, а дальше – что накапливалось.

Тут он стал приезжать более регулярно, раз в год, по крайней мере, и у меня завёлся переносной магнитофон (...) И где бы он ни служил (...) туда я всегда пролезала, проникала и включала свой магнитофон (...) И как только накопится примерно страниц триста, мы следующий томик делали. Этот том машинописный (...) тут 250 страниц, сначала проповеди (...) а дальше беседы, говения (...) Таких томиков сейчас 19, это около 6000 страниц. Так оно и шло из года в год, из его приезда в приезд.

А в 1974 г. так сложилось, что я поехала во Францию, но на более продолжительный срок, не на побывку кратковременную. Тогда не было ясно, что я останусь (...) И когда я уезжала, мне говорили, в частности, Жень Карманов, с которым мы (...) работали, когда в «Журнале Московской Патриархии» печаталась его книга «Молитва и жизнь» (...): «Ты, когда будешь там, на Западе, напечатай что-нибудь, издай. Издай какие-нибудь русские проповеди». Ну, а мне что? – Я взяла и издала. Съездила в Женеву, там в ООН, в русском машинописном бюро, хорошая зарплата была, подруга меня туда выписала, и прежде чем думать: «Ах, как это сделать?» или «Как это получится?», я просто сделала. Первая книжка вышла в 1976 г., «Проповеди и беседы». Половину стоимости я заработала в Женеве, а вторую половину просто клянчила у людей, говорила: «Вы его любите?» – «Да, любим». – «Ну так давайте деньги!» И так и вышло. Это 1974–76 гг. И как ни странно, русская книжка (а на Западе русских всё-таки не страшно много, которые взапой бы читали духовную литературу) всё-таки разошлась довольно быстро.

И у меня возникла новая мысль, потому что уж очень уж хорошо всё это звучит: составить книжку по годовому литургическому кругу, что и было сделано. Это вторая книжка (...) Тут уже бесед нет, а одни проповеди по годовому кругу. (...) Мал золотник, да дорог. И тоже разошлось достаточно быстро и было переиздано и дополнено. Первого издания уже сейчас не осталось. Теперь только второе существует. По-моему, это всё, что я могу рассказать (...)

Т. Майданович с владыкой Антонием

А в 1974 г. так сложилось, что я поехала во Францию, но на более продолжительный срок, не на побывку кратковременную. Тогда не было ясно, что я останусь (...) И когда я уезжала, мне говорили, в частности, Жень Карманов, с которым мы (...) работали, когда в «Журнале Московской Патриархии» печаталась его книга «Молитва и жизнь» (...): «Ты, когда будешь там, на Западе, напечатай что-нибудь, издай. Издай какие-нибудь русские проповеди». Ну, а мне что? – Я взяла и издала. Съездила в Женеву, там в ООН, в русском машинописном бюро, хорошая зарплата была, подруга меня туда выписала, и прежде чем думать: «Ах, как это сделать?» или «Как это получится?», я просто сделала. Первая книжка вышла в 1976 г., «Проповеди и беседы». Половину стоимости я заработала в Женеве, а вторую половину просто клянчила у людей, говорила: «Вы его любите?» – «Да, любим». – «Ну так давайте деньги!» И так и вышло. Это 1974–76 гг. И как ни странно, русская книжка (а на Западе русских всё-таки не страшно много, которые взапой бы читали духовную литературу) всё-таки разошлась довольно быстро.

И у меня возникла новая мысль, потому что уж очень уж хорошо всё это звучит: составить книжку по годовому литургическому кругу, что и было сделано. Это вторая книжка (...) Тут уже бесед нет, а одни проповеди по годовому кругу. (...) Мал золотник, да дорог. И тоже разошлось достаточно быстро и было переиздано и дополнено. Первого издания уже сейчас не осталось. Теперь только второе существует. По-моему, это всё, что я могу рассказать (...)

По видеозаписи Валентины Матвеевой

Публикуется с небольшими сокращениями
Январь 1999 г. (дек. 1998?)

«На площадь я пошла уже христианкой»

29 ноября в Париже умерла известный правозащитник, поэт и переводчик Наталья Евгеньевна Горбаневская (1936—2013)

Она была одним из лидеров диссидентского движения, инициатором и редактором самиздатского бюллетеня «Хроника текущих событий», сообщавшего о многочисленных случаях нарушения прав человека в СССР. 25 августа 1968 г. вышла в числе семерых советских граждан на Красную площадь с лозунгом «За вашу и нашу свободу» против ввода советских войск в Чехословакию. За свою смелость больше двух лет провела в тюремной психиатрической больнице на принудительном лечении.

В Париже, где Наталья Горбаневская жила с 1975 г., она работала в главных изданиях русской эмиграции — журнале «Континент» и газете «Русская мысль». Филолог по образованию, занималась переводами с французского, польского, чешского. Выпустила полтора десятка поэтических книг. В 2011 г. получила «Русскую премию» в номинации «Поэзия» за сборник религиозной лирики «Прильпе земли душа моя».

В апреле 2012 г. Н. Горбаневская дала интервью для проекта с участием А. Архангельского, в котором, в частности, ответила на вопрос о своём приходе к вере.

« — Как возникла ваша религиозность?

— В детстве я ещё читала старые, 20-х годов, номера журнала «Безбожник». И росла совершеннейшей, конечно, безбожницей. Ну, а потом, во взрослом-то возрасте, начинаешь понимать, что-то чувствовать. У меня в прошлом году в издательстве «Русский Гулливер» вышла книга, в которой собраны мои стихи, условно говоря, с религиозными мотивами. Я крестилась в 1967 г., а стихи-то эти начинаются с 1956 г.

Может быть, меня стихи к этому вели постепенно. А когда я постепенно созрела, произошла встреча с моей будущей крёстной матерью. А крёстной матерью моей была не кто иная, как Наташа Трауберг. Мы с ней очень много говорили, говорили. И у меня прояснило всё это в мозгах. То есть вера, которая уже подспудно жила, начала искать выход. И потом, осенью того же года, я приехала в Вильнюс, и в вильнюсском Заречье в православной церкви у старенького священника, о. Антония, который стал моим крёстным отцом, меня крестили. Я была уже беременна Оськой, Наташа всё объяснила священнику.

Наталья Горбаневская с матушкой Верой Адельгейм

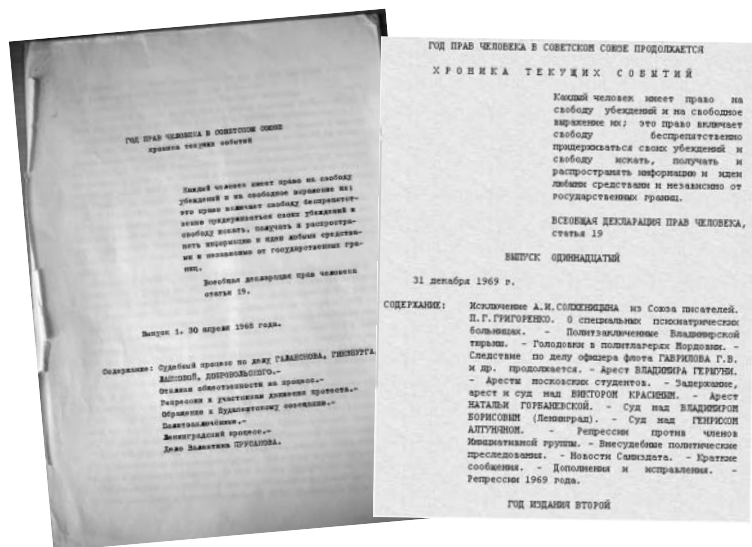
Как я узнала, все грехи, которые были на мне до крещения, все снимаются. А один грех я сама с себя не сняла. Весной 1957 г. моих друзей с филологического факультета МГУ посадили, а меня взяли на три дня на Лубянку, и я дала на них показания. (...) Вот это самый мрачный момент в моей истории жизни, мною мне не прощённый.

— То есть на Красную площадь вы пошли уже христианкой?

— Да, на площадь я пошла уже христианкой».

Интервью Ксении Лученко с Н. Горбаневской
«За мнения преследовать нельзя»
полностью можно прочитать на портале
Православие и мир

Стихи Натальи Горбаневской читайте в этом номере
«Приходской газеты» на с. 31.

Ирина Языкова

Религиозное подполье восьмидесятых

80-е годы прошлого столетия считают особым временем в духовной жизни страны. О своём пути в Церковь, о том, как жили христиане на закате «развитого социализма», о возрождении иконописи рассказывает искусствовед И. Языкова

80 -е — п и к
застоя, ког-
да уже было
п о н я т н о ,
что власть и
существую-

щий режим не переделаешь... Люди стали уходить во внутреннюю эмиграцию — искать духовный, интеллектуальный смысл в жизни. И — строить свою жизнь независимо от той политической погоды, которая стояла на дворе.

Вообще 80-е годы очень разные. Для меня они делятся ровно на три части. Первая — конец 70-х — начало 80-х. Это была христианская молодость, полная романтики. Мы ездили автостопом по России, по Прибалтике, в Крым, на Кавказ, смотрели, как живёт народ. Спокойно знакомились с людьми прямо на улице, могли ночевать остаться у них. И встречали нас повсюду вполне дружелюбно.

Вторая часть — середина 80-х, когда власть начала «закручивать гайки». Именно тогда была разгромлена наша группа, во главе которой стоял Александр Ротберг — Сандр Рига, художник, философ, интересный человек. Первая его проповедь была в среде хиппи. Про него рассказал А. Архангельский в фильме «Жара».

Конец 80-х — перестройка, когда стало можно открыто верить. Оказалось, то, чем мы занимались и за что пострадали в середине 80-х (посещение церковных служб, разговоры и споры о вере, чтение Евангелия и книг по богословию), — совсем не преступление и обществом даже приветствуется.

Евангелие от руки

Сознательно я пришла в Церковь в 1978 г., хотя церковные корни были, бабушка с детства водила меня в церковь. Она была прихожанкой Николо-Кузнецкого храма, который никогда не закрывался, пела в церковном хоре. У них был «бабушкин клуб», как я его называла, где от руки переписывали Евангелие и молитвы (всё

это было не достать в советское время) и раздавали всем желающим.

У меня было в детстве «послушание» на даче — я в каникулы переписывала Евангелие, ничего не понимая. И всё время говорила: «Бабушка, я досюда допишу, ты меня отпустишь гулять?» Но всё-таки что-то запало в душу, сильно запало, поэтому, когда все пустились в поиски: кто на восток, кто на запад, кто в эзотерику (от советского удущья люди бежали куда угодно), я чётко понимала, в какую сторону идти, где искать истину.

Уже будучи студенткой университета, я встретила с молодыми христианами, с людьми интеллектуальными, ищущими. В основном это был круг о. Александра Меня, хотя мы ездили и к другим священникам, например, в Пустыньку к о. Тавриону (Батозскому). Постепенно у нас, молодых христиан разных конфессий, сложилась небольшая община. Мы собирались, беседовали, молились, читали Евангелие. Путешествуя по стране, миссионерствовали: говорили людям, что на самом деле истина в Евангелии, а не в том, что вбивает в головы советская пропаганда. Через Сандра Ригу я познакомилась с о. Александром Менем.

В нашей группе были и православные, и католики, и баптисты. 80-е в этом смысле очень отличаются от 90-х, когда все стали размежевываться, искать еретиков даже в своей среде, не говоря уже о других конфессиях. А в 80-е и 70-е гг. люди относились бережно к вере другого. В советской пустыне это была радость — встретить христианина. И была очень большая солидарность, т.к. все находились по одну сторону баррикад, все были одинаково гонимы. Особенно это почувствовали, когда вновь стали арестовывать людей за веру. Если в 70-х сажали диссидентов, то в 80-х — уже «религиозников», по терминологии органов, т.е. активно верующих, особенно тех, кто вокруг себя молодёжь собирал.

Тогда мы легко вступали в контакт просто потому, что «ты христианин, и я христианин». Как-то в

Ленинграде мы познакомились с финнами, стали дружить, они нам привозили Евангелие. Это было очень рискованно, за каждым иностранцем следило ГБ. Их обыскивали на таможне, отбирали книги. Только одно Евангелие можно было провезти как личное. Они рассовывали книги по всем карманам, по всем чемоданам. Иногда «пронесли», и они отдавали нам эти Евангелия, а мы уже раздавали их.

Органы считали и это антисоветской деятельностью. Но мы-то были принципиально против политики. О. Александр Мень говорил: «Не надо заниматься политической борьбой. Евангелие — самая антисоветская книга. Если люди будут читать Евангелие, они будут другими, и тоталитарный режим сам развалится». В этом было много романтики, ощущение риска прибавляло адреналина. Но всё же это оказывалось не главным. Главным был смысл жизни, сама жизнь. Мы хотели жить по-христиански, как в Евангелии написано. Во всём остальном жизни уже не оставалось.

Развивался у нас самиздат. Сначала наша группка издавала журнал «Призыв», в котором были сформулированы основные принципы христианской жизни, печатались истории людей, пришедших к Богу. А в конце 80-х мы стали издавать журнал «Чаша». Он был более художественный, чем религиозный. Там печатались философы, поэты, музыканты, например, Г.С. Померанц, Н.Л. Трауберг, О.А. Седакова и другие ныне известные люди. Мои статьи и стихи тоже впервые были опубликованы в «Чаше».

Искусствоведом или санитаркой?

80-е гг. для меня стали свободным поиском себя. И в какой-то момент я усомнилась в правильности выбранного профессионального пути. В 1981 г. я закончила МГУ, хотела пойти в аспирантуру, потом задумалась: «А зачем? Кому это нужно?» Многие мои друзья, представители

«поколения дворников и сторожей», устраивались на простые рабочие места, относительно независимые от советской идеологии, от системы, чтобы можно было и думать, и читать книги, в основном — самиздат и тамиздат.

В христианской среде многие дворники и сторожа не просто читали самиздат, а, готовясь быть священниками, ходили на подпольные семинары. А девушки бросали интеллигентскую работу, шли в санитарки, чтобы приносить реальную помощь. Я думала: а мне что делать? Что, в музей пыль вытирать с картин?! Я тоже хочу пользу приносить, служить Богу и людям.

Хорошо, что меня вовремя оставили — и Сандр Рига, и о. Александр Мень. Они высказались примерно одинаково: «Зачем тебе что-то искать? У тебя хорошая работа, ты можешь Богу служить этой работой». Только вот как служить? Читать лекции об иконах по квартирам? Кстати, первые свои лекции я прочитала в полуофициальном клубе любителей древнерусского искусства в музее Коломенское. Но потом КГБ и этот клуб разгромил, увидел в нём религиозную пропаганду. Так что глубоко заниматься иконой в это время было практически невозможно. В официальной науке нельзя было сказать «православная икона», а только «древнерусская», или «византийская», или «памятник средневековой культуры». А о том, что икона может быть современной, вообще помыслить было невозможно.

И всё же островки жизни были. Мы ещё студентами ходили в музей Рублёва, где помимо официальных лекций и экскурсий замечательный старейший сотрудник В.Н. Сергеев иногда устраивал беседы для узкого круга, показывал слайды художников русской эмиграции, что тоже не приветствовалось в то время. В общем, много было форм полулегальных, полуофициальных, позволявших людям удовлетворять свой духовный интерес.

Но всё-таки по-настоящему говорить о вере, молиться, читать святых отцов или изучать религиозную философию, которую мы в то время открывали через самиздат или тамиздат, можно было только дома, в маленьких общинах. Сколько известных ныне людей выросло в этих подпольных общинах и домашних семинарах!

Устраивали мы и подпольные домашние выставки, потому что и

художники хотели не советских колхозниц рисовать, а что-то духовное, религиозное, поднимать евангельские темы. Даже домашние спектакли делали для детей на Рождество и Пасху. В общем, у нас была очень бурная жизнь, интересная, разнообразная. Но всё это рано или поздно должно было заинтересовать КГБ.

Разгром

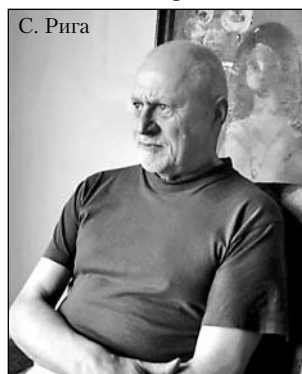
В 1984 г. произошёл разгром нашей группы и нескольких других, куда входили, в т.ч., прихожане и духовные чада о. Александра Мень. В 1983–84 гг. его самого много раз вызывали в КГБ, угрожали. Сандра Ригу арестовали, но не дали ему срок, а поместили в психушку на три года, что гораздо хуже: оттуда трудно было выйти здоровым при тогдашней карательной психиатрии. К тому же сидение в психушке могло быть просто бессрочным.

После суда для остальных членов группы гэбэшники устроили «общественную порку»: приехали к каждому на работу (я работала тогда в Обществе охраны памятников), рассказали, как мы позорим коллектив, а нас советская власть воспитала, а мы... и т.д. Нас вежливо попросили написать заявление об уходе. Потом я долго не могла найти работу по специальности, еле-еле устроилась на техническую должность в реставрационную мастерскую.

Итак, власть считала, что наша христианская группа подрывает основы режима. А мы, «преступники», как я уже говорила, читали Евангелие, беседовали на богословские темы, слушали своих и западных философов-богословов, которые к нам приезжали. Так, несколько раз мне довелось послушать замечательного западного богослова о. Жака Лёва. Приходили к нам и наши мыслители. С благодарностью вспоминаю встречи с Г.С. Померанцем. В те же годы мы подружались с Н.Л. Трауберг. Это действительно был интересный круг, из которого потом много вышло толковых и глубоких людей.

Наша община разрасталась, мы знакомились с людьми в других городах: в Риге, Душанбе, Петербурге (тогда Ленинграде), Житомире были

дружественные группы. КГБ это казалось страшной сетью заговорщиков, подрывающих государственный строй. Всё это в стране с «самой гуманной конституцией» было противозаконно. Сандра Ригу отправили в психбольницу в Благовещенск. Он, пока ехал на этапах, был в тюрьмах и лагерях, понял: если правильную позицию занять, там ты ещё можешь выжить, а в психбольнице он выжил лишь благодаря чуду. Господь его сохранил.

С. Рига

Не все знают, что са-жали вплоть до 1985 г. Хотя уже началась перестройка, репрессивный аппарат работал. Володя Френкель, известный поэт (тогда он жил в Риге, сейчас живёт в Израиле) тоже относился к нашей группке. И его арестовали как раз в 1985-м.

Перемены

В 1987 г. стали всех выпускать. Вышел Сандр Рига и много других религиозных, христианских лидеров и диссидентов. Началась совсем другая жизнь, тем более, в 1988 г., когда праздновалось 1000-летие крещения Руси, официально поменялось отношение к Церкви.

Я смогла вернуться на прежнюю работу — в Общество охраны памятников. И чем мы стали заниматься? Всё тем же: собираться вместе, читать Евангелие, издавать журнал, делать выставки, читать лекции, только уже официально. В Знаменском соборе на Варварке (там был выставочный зал) мы смогли сделать первую официальную выставку современной иконы. У нас образовался очень интересный кружок, со мной, например, работал будущий о. Пётр Коломейцев, а тогда просто Петя, архитектор. Было так: днём работаем в выставочном зале, делаем выставки, презентации, лектории, а вечером спускаемся в подвалчик, в его мастерскую, и там уже происходили неофициальные встречи. Сколько людей побывало тогда на Варварке! Многие, просто зайдя из любопытства, оставались, тоже начинали интересоваться христианством, приходило в Церковь.

Я с благодарностью вспоминаю нашу полуподпольную христианскую жизнь 80-х, которая для многих

была связана с драматическими событиями. Я «только» осталась без работы, а вокруг меня очень многих людей посадили.

Грустные открытия

Как только мы стали выходить «из подполья», оказалось, что даже среди тех, кто считает себя христианами, нет единства, а, наоборот, присутствует отторжение. Мы пригласили читать лекции о. Александра Меня к нам на Варварку. А рядом размещались казаки, и они были очень недовольны приходами этого «еретика», по их выражению. Они вообще отвратительно вели себя по отношению к священнику. Нередко на лекциях мы находили какие-то листы с грубостями в его адрес. Ему угрожали абсолютно открыто.

Тогда уже у меня закралась мысль: «Надо же, время свободы наступает, а люди не объединяются, а разделяются, и проявляются как раз их худшие стороны, которых не видно было в те времена, когда были все по одну сторону баррикад и примерно в одинаковом положении: католик ли ты, баптист, протестант, православный».

Помню, как в воскресенье после службы в Антиохийском подворье (в Новую Деревню старались ездить пореже, чтобы не подставлять о. Александра Меня) мы приходили в скверик на Чистых прудах, туда же приходили и баптисты, которые молились в Малом Вузовском, и католики после мессы в храме Святого Людовика. И мы, молодые христиане, общались, что-то обсуждали. Конечно, бывали споры, но в рамках дружелюбной беседы, потому что все понимали: прежде всего мы христиане. Да, каждый свою Церковь любит, он её потому и выбрал, что считает самой истинной, но до сжигания еретиков никто не доходил.

Верующие и слоёный пирог

Духовный интерес и даже духовная жажда в 80-х, мне кажется, были распространённым явлением, и это нарастало с каждым годом. Когда я поступала в университет, в нашей группе было два или три верующих человека. Когда я оканчивала университет, верующих у нас было уже полгруппы.

В конце 80-х мне приходилось много ездить по России. Например, выставку современных икон я возила

в несколько городов. Начинаешь там разговаривать с кем-то и вдруг по каким-то намёкам понимаешь, что человек верующий. И дальше чуть ли не в объятия друг другу бросались. На самом деле это тогда уже было достаточно массовым. Хотя, может быть, я сужу по своей художественно-интеллигентской среде.

Уже в 90-х гг. на одном вечере меня попросили рассказать, как я пришла в Церковь, почему такая молодая – и верующая. После выступления ко мне подошла женщина буквально со слезами на глазах и говорит: «Как же так? Мы же с вами жили в одной стране! Я этого всего не видела, не знала, только сейчас пришла в Церковь, уже в зрелом возрасте». Кто-то из социологов сказал, что Россия – это слоёный пирог, где слои часто не перемешиваются между собой. Действительно, можно прожить в одном слое, совершенно не понимая, что происходит в другом.

О встречах

Мне очень повезло. Было немало встреч, которые оставили след в моей жизни. Собственно говоря, всё это – одна большая встреча, которую подарил мне Господь. Про о. Александра Меня говорить не стоит, про него много написано. Конечно, он произвёл на меня неизгладимое впечатление с первой же встречи. Но были и другие. Например, помню, какое впечатление на меня произвёл о. Таврион (Батозский). Это было в начале 1978 г. (в августе о. Таврион ушёл). Я только-только пришла в Церковь, вообще мало что понимала. Мы с подругой приехали в Ригу, и вдруг один мой приятель говорит: «Как?! Вы не были в Пустыньке? Ну-ка, давайте, сейчас же отправляйтесь!» Буквально за-

пихнул нас в рейсовый автобус, и мы отправились, ещё не понимая, куда едем. Да, я мало тогда что понимала, но когда увидела о. Тавриона, поняла, что передо мной святой – человек, светящийся святостью.

«Из Москвы?» – спросил старец, глядя на нас. Он побеседовал с нами после службы тепло, по-отечески. Это было что-то особое, когда человек уже над всеми жизненными дрязгами, он просто видит тебя в глубине твоей. Он что-то такое нам сказал, что совершенно поменяло нас внутри. Причём я потом бывала в этой Пустыньке, там мрачный храм – деревянный, старый, с низким потолком. А когда там служил архимандрит Таврион, мне казалось, что этот храм залит светом. Тогда я не отдавала себе отчёта, но сейчас понимаю, что это был духовный свет.

Осталась в памяти и первая встреча с Натальей Леонидовной Трауберг. Кажется, ничего особенного, но ты понимаешь: в этом человеке есть какая-то тайна. Она знает что-то, до чего тебе расти и расти. Но при этом говорит с тобой, будто мы уже тысячу лет знакомы. Кстати, она у нас в домашней общинке читала лекции про святых и о них говорила как о близких людях. Потом мы с ней очень подружились, даже в одном институте преподавали. Но когда я первый раз её увидела, поняла, что это особый человек. Она сидит, улыбается, ничего особенного не говорит. Но вот эта внутренняя глубина буквально выплёскивается на тебя.

В конце 70-х я познакомилась с сестрой Клер, французской монахиней, которая приехала в Россию работать няней во французском посольстве. С первой же встречи я поняла, что передо мной идеал женщины-христианки. Дело было не в благородной стати, а в очевидном понимании того, что человек живёт внутренней жизнью и открыт всем. И что жизнь её – это служение. Такие встречи меняли меня очень сильно.

К сожалению, я не смогла быть на домашних беседах с владыкой Антонием (Блумом). Я познакомилась с ним лишь в конце 90-х, но с его книгами была знакома гораздо раньше, и это тоже было своего рода встречей. Я активно занималась самиздатом, сама перепечатывала и переплетала книги (научилась очень красиво переплетать). И помню, что книги владыки Антония, как и книги о. Александра Меня, на меня произ-

о. Таврион

вели очень сильное впечатление. Они оба о христианстве говорили современным языком, ясно, просто, но глубоко. Потрясала личность владыки, всегда проступавшая в его текстах.

Тогда уже было понятно, что христианство передаётся не столько через книги, сколько через людей. О многих людях, которых подарил мне Господь, можно было бы рассказать, но для этого нужно писать целую книгу. Сейчас часто вера книжная, умственная. Люди начинают читать всевозможной литературы, где сказано, что надо делать только так, а не иначе, и начинают верить как-то... схоластически. А тогда вера передавалась, как в апостольские времена, от человека к человеку, от сердца к сердцу.

Диссиденты в Церкви

К сожалению, иногда люди приходили в Церковь исключительно из диссидентских соображений, по логике: советская власть Церковь не любит, значит, надо креститься. Для них посещение церковных служб, раздача Евангелия были лишь небольшими фрагментами диссидентской деятельности. Но в итоге, когда советская власть пала, они нередко меняли конфессию, а то и вероисповедание, уходили кто в буддизм, кто в ислам. Это грустные случаи, и мне не хочется о них много говорить.

Искусство с нуля

В 70–80-х стало возрождаться церковное искусство, а точнее, оно начиналось буквально с нуля. Как часто было? У человека художественное образование, он приходит в Церковь, и батюшка ему говорит: «Ты художник? Будешь писать иконы. Никогда не писал? Ничего, попробуй, может быть, получится». Сейчас интересно смотреть на те «первые» иконы. Людям приходилось изобретать велосипед.

Например, есть такая деревня Пятница во Владимирской области, там служил о. Анатолий Яковин. Он многим художникам помог стать иконописцами. У него начинал Александр Соколов: он приезжал к о. Анатолию как духовное чадо, а тот предложил ему написать икону в храм.

о. Анатолий Яковин

Этот маленький храм деревянный – настоящий музей церковного искусства 80-х гг. Для него кто только не писал тогда иконы: и о. Андрей Давыдов, который тогда ещё не был священником, и о. Зинов, и Александр Лавданский, и многие другие, ныне очень известные иконописцы. А тогда они все были начинающие и невестребованные. Заказы трудно было найти, а у многих семьи, кормить надо. О. Анатолий давал им работу. Тогда невозможно было просто написать икону и потом её продать. Хорошо, если кто-то из знакомых священников закажет. Да и власти всячески препятствовали. Нередко иконописцев привлекали к ответственности за незаконный промысел, за тунеядство: «Ты пишешь иконы? Кому пишешь? На продажу? А-а, ты, значит, не работаешь».

Такие священники, как о. Анатолий, поддерживали иконописцев и способствовали развитию церковного искусства. С другой стороны, вокруг них складывалась среда, в которой иконописец даже без учителей мог формироваться как личность, духовно расти. Сейчас со средой в каком-то смысле сложнее: у человека хорошее художественное образование, но нет среды, где он мог бы духовно формироваться, вести литургическую, молитвенную жизнь. А без этого невозможно создавать подлинные иконы. Я знаю иконописцев, которым совершенно нечего сказать, они продолжают делать церковные

А. Соколов

копии и не могут создать живые образы. Иконописцам нужны учителя не только в смысле обучения ремеслу, но достойные примеры христианской жизни, чтобы икона стала плодом духовной жизни, а не произведением на религиозную тему.

Вот недавно умерла Ксения Покровская. Она решила заниматься иконописью ещё в конце 60-х. Причём она биохимик, хотя у неё с молодости были способности к рисованию. Ксения знала матушку Иулианию (Соколову), они общались. Может быть, и это на неё оказало влияние. О. Александр Мень, чьей духовной дочерью была Ксения, сказал: «Да, я вас благословляю писать иконы, потому что сейчас этим занимаются единицы. Лет через 10–15 очень многие люди обратятся к иконописи, и нужны будут учителя».

И действительно, когда я познакомилась с Ксенией Покровской в 80-е, вокруг неё уже была большая школа. Она была великим педагогом, воспитавшим очень многих иконописцев. Она многодетная мама, дом у неё никогда не закрывался, и, как ни придёшь, в доме всегда полно людей, а она сидит, кого-то учит: этот рисунок делает, этот с красками разбирается, этот ещё что-то. А как она умела раскрыть смысл образа! Она имела ещё и богословский дар: каждый сюжет не просто написать, а найти к нему богословский ключ.

Эти люди, которые сами с нуля начинали, становились учителями для следующего поколения. Тогда же возрождались связи с искусствоведами, многие учились понимать иконопись на работах Ольги Сигизмундовны Поповой. Мне Бог тоже подарил встречу с ней. Она была моим учителем в МГУ, я писала у неё диплом. Именно она показала мне подлинную глубину иконы. К ней на лекции всегда приходили и художники, и иконописцы, и просто люди, интересующиеся православной культурой. Благодаря её работам художники вслед за искусствоведами пытались именно вникнуть в икону. Сегодня, к сожалению, чаще не вникают, думая, что достаточно взять прорись, научиться растирать краски, помахать кистью – и ты уже сделал икону.

Представители того поколения иконописцев, о котором я говорю, понимали, что им нужна основа, они её сами добывали отовсюду, как уголь добывают – с большим трудом. Сегодня всё написано, всё дано, всё открыто – а у людей часто нет интереса к глубине иконописи. Да и к глубине жизни, пожалуй.

Подготовила Оксана Головки

Источник: www.pravmir.ru

Инна Зинякина

Обратитесь и приходите

В ноябре 2013 г. в Москве прошли межконфессиональные конференции, посвящённые одному из важнейших направлений социального служения Православной Церкви: профилактике и реабилитации алкогольной, наркотической и других видов зависимости

Сторож! Сколько ночи?

Сторож! Сколько ночи?

Сторож отвечает:

Приближается утро, но ещё ночь.

Если вы действительно спрашиваете,

То обратитесь и приходите.

Ис 21:11

Божья милость велика, и пути, которыми ведёт нас Господь, неисповедимы и удивительны... После тяжелейших душевных травм и гибели нашего сына мой муж Владимир ушёл из жизни в 1994 г. вследствие алкогольной зависимости. Тогда я не смогла ему помочь преодолеть её, т.к. сама была ещё далека от Бога и Церкви.

Году в 1993-м я услышала о Программе АА (Анонимные алкоголики), но не смогла выйти на неё. И вот двадцать лет спустя Господь привлёк меня поработать на этой Его ниве. Евгений Проценко, руководитель Христианского регионального общественного благотворительного фонда «Старый Свет», ставящего целью создание комплексной системы профилактики и реабилитации алкоголизма, наркомании и других видов зависимости, направленной на восстановление христианских ценностей личности и общества, пригласил меня в качестве переводчика для англоговорящих участников конференции по проблемам зависимости.

Межконфессиональная встреча «Опыт христианского понимания проблем зависимости» прошла 5 ноября на факультете психологии Российского православного университета, а 6–7 ноября в Московском городском психолого-педагогическом университете состоялась III Международная научно-практическая конференция «Аддиктивное¹ поведение: профилактика и реабилитация». Это значимое событие в жизни нашей страны и общества, где проблема злоупотребления алкоголем, наркотиками, играми (в т.ч. компьютерными) и других видов зависимости становится всё более острой. Особенно тревожит большое количество мо-

лодых людей, подростков и детей с саморазрушительным поведением.

Почему это должно волновать нас? Как сказано в буклете, выпущенном организаторами конференции, наша святая обязанность по отношению к зависимым как носителям общей человеческой природы – «делиться теми духовными дарами, которые мы получили в Церкви». Зависимый – это тот, кто утратил контроль над своими страстями, кто страдает от душевной боли и утоляет её негодными средствами, вызывающими зависимость. А стыд за совершённые поступки часто является причиной того, что человек остаётся в плену этой зависимости. Мы, христиане, призваны помогать таким людям обрести Бога, Который способен их исцелить.

По статистике, приведённой на конференции, сегодня в России

- около 30% жителей злоупотребляют алкоголем;
- около 3 млн. человек регулярно употребляют наркотики, а 18 млн. имеют опыт их употребления;
- за последние 10 лет в 10 раз увеличилась смертность из-за наркотиков, а детская смертность повысилась в 45 раз;
- число россиян с игровой, пищевой, порнографической и многими другими формами зависимости не установлено;
- по данным НИИ Росстата, в России в 2011 г. насчитывался 1 млн. беспризорников и детей, оставшихся без родительского попечения или проживающих в неблагополучных семьях.

Все эти проблемы обсуждали на встрече российские и зарубежные специалисты: медики, психологи, психотерапевты,

педагоги, социальные работники – миряне и священнослужители.

Д-р Мартин Коэн (Нидерланды), известный в Европе и мире как специалист по посттравматической зависимости, имеющий огромный опыт создания и функционирования терапевтических сообществ для жертв войны и психотравмированных беженцев, алкоголиков и наркоманов, провёл мастер-класс на тему «Сущность работы терапевтических сообществ», сформулировав их главный принцип: «Только ты сам можешь помочь себе, но ты не можешь сделать это в одиночку».

Священник Джордж Акваро, настоятель церкви св. Матфея (г. Торранс, Калифорния, США), который ведёт в своём приходе работу с зависимыми, в т.ч. с ВИЧ-инфицированными, выступил с докладом «Страсти и человеческая воля в формировании и лечении зависимости». 20 с лишним лет назад он сам пришёл в группу АА в поисках исцеления от зависимости. В своём выступлении он сосредоточился на духовной стороне выздоровления, называя трезвость «плодом Духа». «В группе АА мне пришлось научиться раскаянию и любви к Богу», – признался он. Поиски «любящего Бога», каким Он открылся будущему клирику, привели его в Православную Церковь. О. Джордж представил первое издание «Руководства для священнослужителей по проблемам алкогольной и наркотической зависимости».

¹ От англ. addiction – склонность, пагубная привычка.

Сестра Данута Абрамович, сотрудница Варшавского фонда развития профилактики, образования и терапии алкогольных проблем «ЕТОН» (Польша) с 20-летним опытом работы с детьми, в т.ч. в школах Белоруссии и России, провела мастер-класс «Социотерапевтическая помощь детям из семей с алкогольными проблемами», который вызвал горячий, заинтересованный отклик.

Себастиан Молдован, профессор богословия и биоэтики университета Лучиан Блага (г. Сибиу, Румыния) провёл мастер-класс «Значение самоопределения личности в формировании зависимости. Святоотеческий взгляд и современная точка зрения», ключевыми словами которого были: аддикция (зависимость), любовь, пастырское служение, благотворительность, социальное служение, Православная Церковь. Было отмечено, что Румынская Православная Церковь в лице Патриарха одобрила работу священнослужителей с зависимыми по программе «12 шагов».

Из выступлений большинства участников выяснилось, что в реабилитации зависимых они отдают предпочтение группам взаимопомощи, работающим именно по этой программе. О. Павел Касперович (Гродненская епархия РПЦ) напомнил, что покойный Патриарх Алексей II и Патриарх Кирилл, митрополиты Сурожский Антоний, Минский Филарет, Волоколамский Иларион одобрили работу с алко- и наркозависимыми по 12-шаговой программе. На её прин-

ципах основана и православная программа «Метанойя» для зависимых и созависимых людей, которую уже много лет ведёт при Даниловом монастыре игумен Иона (Займовский). Отвечая на вопросы о программе «12 шагов», он подчеркнул: хотя она появилась в 1920-е гг. в США, программа не является специфически американской, она универсальна и адресована тем, кто «хочет научиться любить Бога и работать над своей душой». Е. Проценко упомянул, что в Концепции о работе РПЦ с зависимыми людьми группы взаимопомощи рассматриваются как «желаемый эффективный ресурс». Он привёл также слова Папы Иоанна Павла II, который назвал эту программу «величайшим чудом XX века». О. Михаил Бугров (Москва, Балашиха) свидетельствовал, что не только советовал своим прихожанам заниматься в группах взаимопомощи, но и сам участвовал в них и именно через это «обрёл доверие Богу».

Результаты многочисленных исследований зависимости подтверждают: единственное, что действительно важно в жизни, — это отношения с другими людьми; счастье — синоним любви. Опираясь на исследования в области нейробио-

логии, наука сегодня склоняется к тому, чтобы согласиться с древней мудростью: любовь доминирует над всеми добродетелями человека.

В заключение хочется сказать, что в нашем храме есть много групп для зависимых и созависимых. Они работают с различными видами аддикции, включая и эмоциональную, в т.ч. по программе «12 шагов». Информацию о них можно найти на сайте храма. И пусть тех, кто нуждается в помощи, вдохновят слова Священного Писания:

«Жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твоё...» (Втор 30:19); «...и стекуются к благостыне Господа... и душа их будет как напоённый водою сад, и они не будут уже более томиться» (Иер 31:12); «...ибо Сын Человеческий пришёл взыскать и спасти погибшее» (Лк 19:10).

В статье использован репортаж Ю. Зайцевой с сайта www.blagovest-info

Андрей Лихачёв

Чтобы научиться делать добро

1 ноября 2013 г. в Доме Русского Зарубежья им. Александра Солженицына состоялась VIII Московская международная конференция, посвящённая памяти доктора Фёдора Петровича Гааза (160 лет со дня смерти) на тему «Благотворительность, милосердие и меценатство в современном обществе»

На конференции присутствовали и выступали представители Правительства Москвы и Префектуры ЦАО, Московский Дом общественных организаций (МДОО), руководители НКО из Москвы и регионов РФ, которые

занимаются благотворительностью, социальным служением и делами милосердия, а также те, кто интересуется историей благотворительности в нашей стране. Были и зарубежные гости, и представители СМИ. Общее чис-

ло участников превысило 150 человек.

Организовали конференцию Общественный благотворительный фонд им. Ф.П. Гааза, Управление культурной и молодёжной политики ЦАО, МДОО ЦАО, НП «Сотворчество», Культурный центр благотворительности, милосердия и толерантности им. Ф.П. Гааза (библиотека № 134), Союз добровольцев России.

Открыл встречу начальник Управления культурной и молодёжной политики ЦАО Департамента культуры г. Москвы Р. Крылов-Йодко. Поздравление участникам и гостям конференции от Митрополита Архиепархии Божией Матери в Москве архиеп. Павла Пецци зачитал о. Вилфрид Велинг. С приветственным словом выступила советник по правовым вопросам Филиала Международного центра некоммерческого права, член НП «Юристы за гражданское общество» О. Шумбунова (Свириденкова).

Панораму жизни доктора Ф.П. Гааза представила в своём докладе «Излучающий свет» С. Савёлова, директор НКО «Союз молодёжных инициатив «МИР – ДЕТЯМ»». Замечательный доклад в сочетании с фильмом о святом докторе определил духовную направленность конференции.

Далее прозвучали доклады и сообщения на темы: «Корни благотворительности в России» (проф. Т. Кононова); «Социальная защита населения в Москве» (О. Климанова, зав. сектором координации гуманитарной и благотворительной деятельности Комитета соцзащиты населения г. Москвы); «Работа в местах лишения свободы и с семьями заключённых» (М. Каннабих, член Общественной палаты

РФ и Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, руководитель Фонда помощи заключённым); «Взаимодействие НКО с МДОО г. Москвы» (Е. Стаханова, директор НП «Сотворчество»); «Роль волонтерских НКО в решении социальных проблем города» (В. Хромов,

руководитель Ассоциации НКО «Союз волонтерских организаций и движений»); «Добровольчество в городских условиях» (Е. Захарова, исп. директор Фонда «Созидание», член оргкомитета конкурса «Доброволец года — 2013» в Москве); «Социальная миссия московского предпринимательства» (А. Ватолкина, Московская Торгово-промышленная палата); «Место христианского служения в современном мире» (Ю. Белановский, руководитель добровольческого движения «Даниловцы», руководитель социальных проектов фонда «Разумный интернет»); «Программы Католического центра «Каритас» Архиепархии Божией Матери в Москве» (М. Перминова, руководитель проекта «Помощь бездомным «Каритас»»); «Благотворительный проект социальной поддержки и защиты прав воспитанников и выпускников детских домов «Право на жизнь»» (Е. Галишников, ст. науч. сотрудник Научно-исследовательского финансового института Минфина России); «Проект «Спешите делать добро» как успешный пример взаимодействия государственных и коммерческих структур с благотворительными и добровольческими НКО» (А. Лихачёв, директор Общественного благотворительного фонда им. доктора Ф.П. Гааза).

После информационной части началась работа в формате круглых столов, где обсуждались вопросы взаимодействия общественных организаций и государственных структур, тюремного служения и др. Разнообразие тематики позволило участникам конференции встретиться с коллегами в более тесном кругу. Такие встречи

всегда эффективны, они ведут к расширению возможностей, налаживанию сотрудничества, являются хорошей школой обмена опытом. Особенно хочется отметить выступление Е. Тончу, руководителя Издательского дома ТОНЧУ, её тёплые слова о Ф.П. Гааза и, конечно, книги, переданные от издательства в подарок музею Ф.П. Гааза. Каждому выступавшему от Издательского дома ТОНЧУ также вручили книгу «Московский очаг милосердия. Святой доктор».

Сюрпризом для всех собравшихся стало появление «живого Фёдора Петровича». Стремительный выход и пламенная речь сначала привели в замешательство, а потом были восприняты как живая иллюстрация к теме конференции. Монолог доктора Гааза в исполнении актёра Рафаила Исланова, участника театрального коллек-

тива Русско-Немецкого Дома в Москве, стал ярким и запоминающимся эпизодом.

Организаторам конференции, девизом которой, по уже сложившейся традиции, были слова святого доктора «Спешите делать добро», удалось расширить круг людей, не только интересующихся историей благотворительности в России и личностью доктора Ф.П. Гааза, но и стремящихся внести реальный вклад в дело бескорыстной помощи людям.

На конференции принято решение о проведении в 2014 г. в Доме Русского Зарубежья им. Александра Солженицына IX Московской международной конференции о проблемах сиротства в России, также посвящённой памяти доктора Фёдора Петровича Гааза.

Зоя Скуратова

ДАРУЮЩАЯ РЕЧЬ

Среди прихожан нашего храма много людей талантливых, неординарных. Обычно они не хотят «быть притчей на устах у всех», избегают повышенного внимания к себе. И всё-таки хорошо бы нам узнавать их в лицо, чтобы в большой приходской семье возрастала любовь и радость о наших братьях и сёстрах во Христе. Сегодняшний рассказ – об Эмилиии Ивановне Леонгард

Когда в обычной семье у слышащих родителей появляется глухой ребёнок, для них это огромный шок: они не знают, что делать, как его вылечить. Уже позже приходит осознание того, что неслышащего малыша не вылечишь и, чтобы он не остался немым, его надо развивать: учить говорить, читать и понимать окружающих. Причём для этого надо приложить немало усилий и многому самому научиться. И тогда на помощь приходят уникальные методики обучения глухих и слабо-слышащих детей. Таких методик в нашей стране сейчас четыре. Создатель и автор одной из них – сурдопедагог, кандидат педагогических наук Эмилия Леонгард. Среди её наград – медаль К.Д. Ушинского, вручаемая лучшим учителям страны...

Вопреки сложившейся традиции, когда с глухими свою судьбу чаще всего связывают те, у кого родственники или близкие не слышат, у Леонгард никого из таких людей не было. Когда она училась в школе, её поразил рассказ любимой учительницы, которая присутствовала на экзамене в школе для глухих. Педагог была потрясена и восхищена тем, как глухие ученики читали наизусть пушкинского «Евгения Онегина»... Этот неожиданный интерес стал её судьбой на всю жизнь: отделение сурдопедагогики дефектологического факультета МГПИ им. В. И. Ленина (сейчас – университет), научные исследования, диссертация, работа в школе для глухих... Перечислять можно долго, но всё это связано с обучением глухих устной и письменной речью. Леонгард до сих пор помнит свой первый класс в школе-интернате глухих в Люблине, в которой она работала сурдопедагогом: двенадцать её глухих детей-подготовишек не умели говорить, читать, писать, считать.

Обычному человеку невозможно представить, как «делать» речь тому, кто её не слышит и не понимает. Когда на создание одного-единственного звука-слога маленькими шажками уходят недели, если не месяцы. И кропотливый каждодневный труд с утра до вечера с каждым глухим ребёнком индивидуально. «С глухим ребёнком надо начинать работать с самого рождения, в худшем случае – лет с трёх, – рассказывает Эмилия Ивановна, – а не спохватываться только в школе. Плюс ко всему, многие родители просто не представляют, что делать». Этот постулат стал основой для перехода Леонгард из школы в лабораторию дошкольного воспитания НИИ дефектологии. В то время там был создан экспериментальный детский садик, в котором детей с раннего возраста учили говорить, писать и понимать и где параллельно шла разработка разных методик обучения глухих дошкольников. Именно эта лаборатория в 1965 г. стала «матерью» методики Леонгард, главной идеей которой было не использовать при обучении жестовый язык глухих и дактильную азбуку, пока у ребёнка не сформируется связная речь в

устной и письменной формах (дактиль – ручная азбука, когда буквы алфавита показываются пальцами. – «ВМ»). Причём основной упор делался на обучение слышащих родителей и работу с ними, а последнее в то время было редкостью. А ведь тогда, полвека назад, слышащие родители глухих детишек охотились за любой информацией о методике Леонгард: писали тонны писем, просили помощи, приезжали в Москву на консультации... На этой волне родительской боли и отчаяния в 1968 г. в четвёртом номере журнала «Жизнь глухих» (сейчас – «В едином строю») появилась рубрика «Университет для родителей», которая существует и поныне.

«Методики обучения глухих детей разные, и речь не идёт о том, что надо использовать только мою. Я лишь говорю, что и по ней можно добиться успеха», – убеждена Эмилия Леонгард.

В конце концов в 1990 г. Эмилия Ивановна создала свой Центр Леонгард по обучению и социокультурной реабилитации глухих и слабослышащих детей, где она и сейчас президент. Является ведущим социологом факультета «Головной учебно-исследовательский и методологический центр профессиональной реабилитации лиц с ограничениями здоровья» при МГТУ им. Баумана. По-прежнему консультирует сурдопедагогов и родителей, пишет статьи, выступает с докладами на конференциях. В 2013 г. Эмилиии Ивановне Леонгард исполнилось 80 лет. Через её сердце и душу прошли тысячи глухих детей. И до сих пор они – её судьба. Она делает детей и их родителей счастливыми.

Источник:

«Педагог Эмилия Леонгард научила говорить тысячи детей нашей страны». «Вечерняя Москва» №234 от 18.12.2013

Юлия Зайцева

Книга, восстанавливающая память

9 декабря в Овальном зале Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино (ВГБИЛ) состоялась презентация книги Г. Андреева и А. Юдина «Жизнь с Богом: Брюссель-Москва» (М.: Духовная библиотека, 2013)

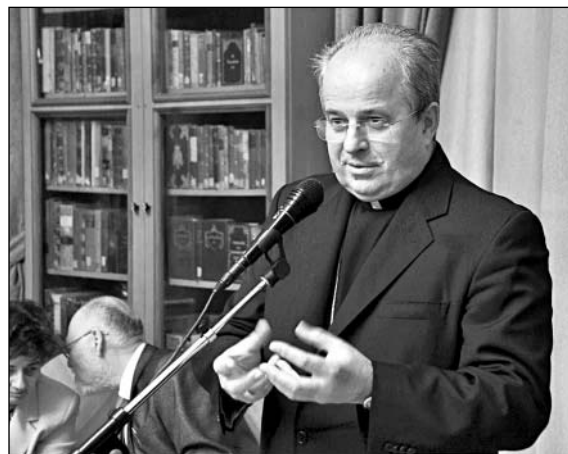
ние, приписываемое о. Александру Меню: «Мы все родились из брюссельской капусты».

За 30 лет работы маленьким издательством, сотрудники которого работали бескорыстно, было выпущено около 2 млн экземпляров духовной литературы на русском языке – более 200 наименований книг, среди которых: Библия и Новый Завет со справочным аппаратом и комментариями, Словарь библейского богословия, 12-томное собрание сочинений Владимира Соловьёва, 4 тома сочинений Вячеслава Иванова, трёхтомник творений св. Августина, «История христианской Церкви» М.Э. Поснова, репринтные издания трудов свт. Игнатия (Брянчанинова) и Феофана Затворника и труды о. Александра Меня.

По словам Джованни Парравичини, атташе по культуре посольства Ватикана в РФ, сотрудники издательства следовали идее единства Церкви Христовой и служения гонимой Церкви в России. Переправляя по тайным каналам (с туристами, дипломатами и т.д.) религиозные книги в СССР, заочно общаясь с христианским подпольем в России, они «воплощали мечту христиан, которые понимают, что единство – это чудо, но оно уже осуществляется во Христе».

Все выступавшие лично знали героев книги. Так, сотруд-

ник ОВЦС свящ. Димитрий Агеев рассказал свою историю: в отрочестве он получил в подарок одну из книг о. Александра Меня, вышедшую в Брюсселе, она произвела на него сильное впечатление. Потом он прочитал много книг этого издательства, «и каждая из них оставляла свой след в сердце». После прочтения книги о блаж. Августине юноша написал письмо в Брюссель о. Кириллу Козине и получил ответ. Завязалась переписка, а несколь-

ко лет спустя состоялась и личная встреча в Брюсселе. Вспоминая об этих встречах, об уроках о. Кирилла, о. Димитрий сказал: «О. Кирилл никогда не был в России, но вся его жизнь была бескорыстно посвящена Русской Церкви».

Издание представляет собой документированное исследование деятельности издательства «Жизнь с Богом», существовавшего в Брюсселе с 1945 по 2000 гг. Главное внимание в книге уделено основательнице и директору издательства Ирине Михайловне Посновой (1915–1997) и двум её сподвижникам – католическим священникам византийского обряда протопресв. Антонию Ильцу (1923–1998) и Кириллу Козине (1925–2004), их сотрудникам и помощникам, а также прот. Александру Меню (1935–1990), книги которого впервые увидели свет именно в этом издательстве. Предисловие к книге написано митрополитом Волоколамским Иларионом.

Символично, что презентация книги состоялась в том самом зале ВГБИЛ, в котором когда-то побывали её герои – И. Поснова, о. Антоний Ильц и о. Александр Мень, отметила директор ВГБИЛ Е. Гениева. «Выполнен долг памяти, – сказала она о новой книге, – написана история удивительных людей». По её словам, книги издательства «Жизнь с Богом» выделены в фондах ВГБИЛ в отдельное собрание, которое получило особый статус «национальной коллекции». Говоря о влиянии книг этого издательства на формирование христианского сознания интеллигенции в СССР, она напомнила шутовое выраже-

О том, как радовались сотрудники брюссельского издательства, когда советская власть закончилась и Россия стала открытой, рассказала Наталья Большакова, создатель и бессменный руководитель Международного благотворительного фонда прот. Александра Меня (Рига). Сама будучи издателем книг о. Александра, она вспоминала «восторг» И.М. Посновой, когда та узнала, что дело «Жизни с Богом» продолжается, что «семя, ими посеянное, проросло». «Вы будете нашим продолжением», — сказала она Н. Большаковой при встрече в Брюсселе, наказав «идти по пути издания книг о. Александра Меня».

Дело брюссельских подвижников-издателей продолжается не только в Риге, но и в Москве: здесь усилиями Фонда о. Александра Меня было воссоздано из-

дательство «Жизнь с Богом». Как вспоминал его руководитель Павел Мень, первую свою книгу «Сын Человеческий» его брат делал вручную: печатал на машинке, вклеивал иллюстрации. Когда же появилась возможность издать её в Брюсселе (под псевдонимом Андрей Боголюбков), о. Александр воспринял это «как помощь свы-

ше». Теперь эта книга переведена на несколько десятков языков мира. «Это великая честь для нас — стать преемниками брюссельского издательства», — сказал П. Мень.

«Они (брюссельские издатели — *Ред.*) всегда говорили: перепечатывайте все наши книги свободно, безо всякого копирайта! Они работали ради Христа и ради Церкви в России, не для себя», — вспоминал директор Культурно-просветительского центра «Духовная библиотека» и одноименного издательства Жан-Франсуа Тири. Он рассказал о своём знакомстве с И.М. Посновой и двумя священниками в Брюсселе, которое стало для бельгийского студента-филолога, изучавшего русский язык, «настоящим знакомством с Россией».

Один из авторов — историк Католической Церкви, публицист, преподаватель РГГУ Алексей Юдин ограничил своё выступление всего несколькими, но очень тёплыми словами об особых взаимоотношениях, сложившихся в издательстве «Жизнь с Богом» — этой «почти монашеской общи-

не». «Это была обычная жизнь, преображённая светом любви», — сказал он о сотрудниках издательства.

Подытоживающее слово было предоставлено Апостольскому нунцию в РФ архиеп. Ивану Юрковичу, который, по словам Дж. Парравичини, сыграл важную роль в издании книги А. Юдина и Г. Андреева. Сам посол Ватикана, будучи химиком по первому образованию, сравнил свою роль с катализатором, который не участвует в процессе, но ускоряет его. Герои новой книги — о. Антоний и о. Кирилл дороги ему не только как подвижники христианского просвещения, но и как соотечественники — все они родились в Словении. Нунций сообщил, что книга уже переве-

дена на словенский язык. Говоря о миссии издательства «Жизнь с Богом», он подчеркнул, что его деятельность имела большое значение для возрождения Русской Православной Церкви. Само же это возрождение представитель Святого Престола назвал чудом и добавил, что «это было бы самой большой наградой для Ирины Посновой, о. Антония Ильца и о. Кирилла Козины». Но есть и ещё одно чудо — «чудо этой книги, восстанавливающей память, которая находится в опасности забвения». «Это свидетельство того, что семя, попав в плодородную землю, даёт много плодов», — завершил он.

Источники: Благовест-инфо

Наталья Горбаневская

Глиняная птичка

* * *

Эти «словно» и «будто» и «как»...
Но не сравнивай. Слышишь, живущий,
запустившийся в райские кущи,
отобьёшь от собак-забияк.

Эти «верно», «наверное» и
«очевидно». Но что очевидно?
Что ни слуху не слышно, не видно
ни очам, ни очкам, ни-ни-ни...

Сохрани, и спаси, и помилуй
меня грешную, грешных нас.
В поле минном крапива с малиной
перед взрывом корнями сплелась.

* * *

Уж во что ты эти ночи ни ряди,
хоть Палладой, хоть бы этой... Артемидой –
умираем не по очереди,
а когда кому прописано планидой.

А кому и как – не при на рожон
дознаться, где планида достала...
Кто во сне, а кто под острым ножом
под восторженные вздохи медсостава.

Кто во сне, а кто во снах наяву,
как вайнах, узревши гребень Кавказа,
как поэт, спеша сквозь курву-Москву,
не спужавшийся ни чоха, ни сглаза.

* * *

Господи, Господи, ночь и туман
на них опустились.
Господи, что даровал ты нам,
кроме бессилья?
Кроме свободы голос срывать:
«Вольна Польска!»
и сквозь кордоны атаковать
двери посольства.
Крик мой, хрип мой жалок и тих:
«Сёстры и братья!»
Видно, Господь чересчур возлюбил
эту равнину.
Видно, у Господа Бога для них –
то же, что Сыну, –
нету иных проявлений любви,
кроме распятия.

* * *

Ну что, хлопотливая ласточка,
куда ты летишь хлопотать?
Домой, бесцензурная весточка,
привет от меня передать.
Скажи, что на пядь под землёю
и с глоткой, набитой землёй,
жива и дышу, замерзаю,
но всё же не до смерти злой.
Скажи, что, глаза растворивши,
песку и подзолу набрав,
я вижу, я всё ещё вижу,
беспамятство смерти поправ.
Скажи, что уже не надеюсь
на встречу, но, сколько жива,
не сдамся и не охладею,
и это не просто слова.

* * *

Богоматерь моя
по реке приплыла,
пеленала Младенца
в петушинный рушник.
А речная струя,
холодна и светла,
бормотала: – Надейся,
ещё полдень не сник,
и проворный казак
из воды извлечёт
чудотворную доску,
подгребая веслом,
и вчерашний закат
разольётся в восход,
где и мёду и воску
со слезой пополам.

* * *

...где реки льются чище серебра,
не загрязнённые мазутом и маслами,
где Бог нас не оставил и светла
адмиралтейская игла, где на соломе
лежит Младенец и глаголет бык
мудрее мудрого, наевшись чистотела,
где русский от побед давно отвык
и от войны, держась родимого предела,
где под покровом звёздного плаща
к нам не крадутся государственные тати,
где, слоги долго в горле полоща,
но не раздумывая, кстати ли, некстати,
как сказку пересказывая быль,
былую быль, былую боль, любовь былую,
ты в пыльный обращаешься ковыль,
а я по ветру одуванчиком белею.

* * *

Жаворонки прилетели,
жаворонки.
Травы старые в постели
ржавы, ломки.

Травы старые подстилкой
новой травке,
как песчаник палестинский
нашей Пасхе.

* * *

Эта глиняная птичка –
это я и есть.
Есть у ангелов привычка –
песенку завести.
В ритме дождика и снега
песню затянуть,
а потом меня с разбега
об стену швырнуть.
Но цветастые осколки –
мусор, хлам и чад –
не смолкают, и не смолкли,
и не замолчат.
Есть у ангелов привычка –
петь и перестать.
Но, непрочный, точно иней,
дышит дух в холодной глине,
свищет – не устать.

* * *

Тот Кто дал свободу грешить и Его же злоречить
ни в какую погоду нас одних не оставит
не раскидывая кости решить чёт или нечет
отрешись от злости хоть на час
коль не можешь славить

* * *

Раздралась завеса, и тьма
покрыла и поглотила
холмы, и луга, и дома,
и вышние в небе светила.
Весь мир стал затменным, как ум,
как ум и пустой, и надменный,
как будто пришёл Каракум
пески рассеять по вселенной.
Чернело сильнее стократ
сиянье космической пыли.
Испуг нас как плуг. Что возврат
обещан – мы и забыли.
Как скот, припадая к земле,
мыча, и ревя, и стеная,
готовились к вечной зиме,
к снегам на вершине Синая.
Последним рывком из тенет,
из сонного одеяла
глаза продираем, и свет
светит, и тьма не объяла.

* * *

Задраенной бойницей
покой не нарушается земной,
подраненною птицей
между молчанием и тишиной
хромая, опирая
свой вес на уцелевшее крыло,
достигну двери рая,
куда не вхоже зло.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Про библиотеку ХКЦ «Встреча»

В наше время, когда книги дорожают и не всё есть в продаже, а надежды на то, что нужные тексты есть в Интернете, не всегда сбываются, **Христианский культурный центр «Встреча»** предлагает всем заинтересованным читателям активнее пользоваться книгами его библиотеки.

Наша библиотека доступна всем желающим.

Мы открыты **с понедельника по пятницу с 13 до 21 ч.**

по адресу: **Дербеневская ул., д. 14, стр. 3.**

Наш телефон: **8 (499) 235 11 50.**

Мы стараемся постоянно пополнять наши фонды.

О новых поступлениях в фонд библиотеки можно узнать, пройдя по ссылке:
http://vstrecha-center.ru/Tekst_pages/Biblioteka/Novinki_lib_autumn_13.htm

Главный редактор: протоиерей Александр Борисов
Редакционная коллегия: Ирина Языкова (заместитель главного редактора), Александр Зорин, Александр Кремлёв, Ольга Папцова, Константин Семёнов, Алла Смирнова
Редактор выпуска: Алла Калмыкова

Компьютерная вёрстка: Алина Троицкая
Адрес редакции: Столешников пер., д. 2, комн. 12
Тел.: +7 (495) 629-10-11
e-mail: irinayazykova@yandex.ru, acalm@list.ru
с указанием темы письма: «Для Приходской газеты»